

НИКОЛАЙ
ПАНОВ

ТЕНЬ У ПИРСА
ТАЙНЫЙ
ФРОНТ

Николай Николаевич Панов

Тень у пирса

Серия «Тайный фронт»

текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=74625851

Николай Панов. Тень у пирса: Родина; Москва; 2026

ISBN 978-5-00269-315-3

Аннотация

Николай Панов – замечательный писатель, мастер детектива и маринистики. Одноименный фильм, снятый по мотивам этого романа на Одесской киностудии в 1955 году, стал классикой шпионского жанра.

Приключения переносят нас в балтийский приморский городок, а также шведский и норвежский порты, мимо которых лежит путь экспедиции советских кораблей. Диверсанты и шпионы действуют изошренно, идут на убийства, играют на чувствах молодых моряков. Они задумали головокружительную операцию. Но им противостоят чекисты под руководством мудрого майора госбезопасности Людова. Кто победит в этой схватке?

«Она вырывалась, боролась. Он зажал ей скользкой ладонью рот. Гипнотизировали молящие, странно бесцветные, когда-то такие дорогие глаза... Она оперлась обо что-то рукой.

– Я никогда не утешусь, если мне придется убить тебя, Таня».

Содержание

Глава первая	7
Глава вторая	22
Глава третья	40
Глава четвертая	57
Глава пятая	67
Глава шестая	83
Глава седьмая	98
Конец ознакомительного фрагмента.	104

Николай Панов

Тень у пирса

© Панов Н. Н., правообладатели, 2026.

© ООО «Издательство Родина», 2026

Николай Панов

Глава первая

Два сигнальщика

Море у борта было дымчато-синим, всплескивало, проносилось за корму длинными, чуть вспененными волнами. Ближе к горизонту начинался серебристый просвет, там скользил «Сердитый» – такой же, как «Ревущий», низкобортный, быстрый красавец корабль. А у самого горизонта море опять становилось темнее. Ясная грань отделяла его от солнечного, горячего неба.

На высоком мостике эскадренного миноносца «Ревущий» сигнальщик, старший матрос Жуков, опустив бинокль, мельком взглянул на трофейные часы, блеснувшие из-под ру-

кава, и покосился на Калядина, проходившего мимо.

Жуков не держался за поручни, хотя свежая волна качала корабль. Снова поднес к глазам свой испытанный, потертый бинокль.

Вольно дышит Балтика после окончания войны! Ожили морские дороги! Вот опять строй косых рыбацких парусов забелел на горизонте, и Жуков тотчас, как положено, доложил о них вахтенному офицеру. И снова стой вот, всматривайся неустанно в волны и в облака, хотя давно отпраздновали День Победы, вокруг наше, мирное море...

– Право руля! – прозвучал резкий голос командира корабля, капитан-лейтенанта Бубекина. – Курс двести тридцать пять!

– Начали поворот вправо. Передать на «Сердитый» – иметь курс двести тридцать пять градусов! – приказал сигнальщикам вахтенный офицер.

Младший сигнальщик Сучков поспешно прицепил к снасти угол полуразвернутого флага, потянул тонкий прохладный фал, торопливо перебирая руками.

Легко, как обычно, фал заскользил по блоку верхнего рея. Сине-желтый широкий флаг «покой» – сигнал поворота вправо – взлетел к вершине мачты, свободно затрепетал на ветру.

Но вдруг угол флага оторвался от снасти, полотнище свернулось, ветер обмотал его вокруг верхнего рея.

– Клеванты расцепились! – услышал Жуков голос старши-

ны Калядина.

Расцепились клеванты – зажимы, крепящие углы флажного полотнища к снасти... Запутался флаг – на «Сердитом» не разберут сигнала! Позор для сигнальщиков, задерживается совместный поворот кораблей... Впервые нынче командир отделения Калядин допустил Сучкова к самостоятельной вахте – и вот...

– Очистить флаг! – крикнул капитан-лейтенант Бубекин. И в тот же момент Жуков скинул с шеи ремешок бинокля.

– Подержи! – Он сунул бинокль младшему сигнальщику, кинулся к мачте.

Еще, казалось, не успел отзвучать приказ, а Жуков уже ухватился за скоб-трап. Вzbегал к вершине мачты по узкой отвесной стремянке. С зажатыми в зубах ленточками бескозырки – чтоб не сорвало бескозырку ветром – карабкался к верхнему рею.

Все дальше под ногами мостик, все ближе запутавшийся флаг.

На вершине мачты качка ощущалась сильнее, ветер больно резал глаза.

«Ревущий» накренился, и далеко под ногами засинели мчащиеся горбатые волны. Не переставая подниматься, Жуков крепче вцепился в скоб-трап...

«Закружится голова, поскользнется Ленька – и сорвется, упадет в воду или разобьется о палубу, – волновался внизу командир отделения Калядин. – Нет, Жуков не сорвется...

Крепкий парень, образцовый сигнальщик... Я-то знаю, пуд соли съели с ним за годы войны... Смелый, быстрый как ветер... И качки не боится совсем... Вон как поднялся до самого верха... А вдруг все-таки сорвется...»

Но сам Жуков не думал об этом. Думал об одном – как дотянуться до окончечности рея, вынесенного далеко вбок.

Вот достиг самой вершины перегнулся, только одной рукой держась за скоб-трап.

Корабль качнуло особенно сильно. Перехватило дух, волны головокружительно катились под ногами. Но он дотянулся до флага, распутал его, сцепил угол полотнища с сорвавшимся фалом.

И вот уже спустился по скоб-трапу, прыгнул на мостик, стоял как ни в чем не бывало, только часто вздымалась грудь под тельняшкой и сильней блестели красивые черные глаза.

Он взял бинокль из рук младшего сигнальщика, смотрящего восхищенно и виновато. Глянул на старшину. «Молодец, Леня! Развернулся, как в боевом походе!» – скажет ему сейчас старый друг Калядин. Но старшина отделения сигнальщиков лишь нахмурился, отвел глаза, набирая новое сочетание флагов... Значит, и на прощание не хочет мириться старый боевой товарищ...

И Жуков обиженно сдвинул густые жесткие брови, вскинул бинокль, вновь стал всматриваться в море и небо... Стало быть, по-прежнему Калядин будет сторониться его, отмалчиваться, вести только строго служебный разговор...

Кончается трудная походная вахта. В такие минуты приятное ожидание заслуженного отдыха обычно охватывало Леонида, помогало еще зорче вглядываться в даль, отчетливее докладывать об увиденном. Проходя мимо Калядина, любил обмениваться со старшиной, с полуслова понимавшим его, каким-нибудь соображением, шуткой, улыбкой.

Но сегодня радостное чувство подменила легкая грусть, как бы предчувствие неизбежной потери.

Размолвка с Калядиным началась несколько дней назад, когда, сбежав в кубрик по трапу, Жуков увидел старшину склонившимся над листом бумаги. Калядин поднял веснушчатое, с облупленным широким носом лицо.

– Вот пишу...

Он не договорил, но Жуков и так знал, что пишет Калядин. Рапорт об оставлении на сверхсрочную. Приближался срок увольнения в запас, того увольнения, о котором в военное время, как о чем-то необычно прекрасном, частенько мечтали друзья. И вдруг в мирные дни Калядин круто переменял решение, стал думать о сверхсрочной, уговаривать друга подать рапорт.

– Корабль оставить не могу, понимаешь. Чем ближе подходит время разлуки с ним, тем больше чувствую – не могу. Останемся, а, Леня? И докладные подадим вместе... Потом учиться на офицеров пойдем.

Это решение друга потрясло Леонида.

Уже успел привыкнуть к мысли, что скоро конец военной

службе. Хорошо повоевали, пора отдохнуть. Он представлял себе день, когда, проснувшись еще до побудки, они с Калядиным увяжут в последний раз свои койки, переложат вещи из рундуков в штатские чемоданы, еще раз окинут взглядом знакомый до любой мелочи кубрик, а позже, выправив документы, вместе пройдут по палубе к трапу на стенку.

Но сейчас главное даже не в этом. Сейчас он думал не только о себе, он думал о Клаве.

Пожалуй, сам по себе и не стал бы мечтать о расставании с флотом. Разве меньше Калядина любил он море, корабль? Во здесь замешивалось особое деликатное дело. Нет, нужно, нужно уговорить друга.

Смотри, Миша, подашь докладную – обратно ее не возьмешь, – сказал он тогда в кубрике. – Выбор судьбы. Легко на это смотреть нельзя.

А кто легко смотрит? – Калядин старательно выводил очередное слово рапорта. – Я к делу политически подхожу. Мощный океанский флот нам нужен? Факт! Кадры нужны? – Калядин любил говорить немного по-книжному, и. выходило у него очень убедительно.

Кадры сейчас в мирном строительстве нужнее, – запальчиво сказал Жуков. – На производстве, в колхозах нас ждут. Ведь вместе хотели мы с тобой... Дружбу не ломать нашу...

– А вот и не ломай. Останемся на корабле, чудесное дело. Хорошо тебе на корабле? Хорошо! Дело свое любишь? Любишь! А ты еще гребец замечательный, под парусами мастер

пройтись. Морской талант. А на сушу уходить хочешь!

Коренастый, крепко сбитый, Калядин говорил так просто и рассудительно, что действительно подумалось – не подберешь возражений...

Жуков задумчиво вынул расческу, стал приглаживать чуть курчавые волосы, – собирался с мыслями для ответа.

– У меня, Миша, особая есть причина...

– Эту твою причину я насквозь вижу, – с обидной категоричностью отрубил Калядин. – У нее нахальные глаза и родинка на левой щеке. Уж если заговорили о ней, прямо скажу – не для матроса она... У нее на уме офицеры... Один имеет интерес – мужа посolidнее затратить.

– Нет, ты о ней так не говори, – раздельно произнес Жуков. – Оскорблять ее не имеешь права.

Он стоял, положив руку на койку, – рослый, худощавый, с развернутой ладной грудью. От негодования сильнее заблестели полные мягкого черного блеска глаза. «Такого и вправду каждая полюбить может», – подумал Калядин, мельком взглянув на друга.

Ты, Леонид, не обижайся... Брось... Может, и ее такая она. Только, если точно тебя любит – сделает по-твоему.

Нет, я ей обещал, – твердо сказал Жуков. – Да и нехорошо ей здесь... на такой работе. Уж все обговорили. Как поедем в Медынь, где поселимся...

– Ну так поезжайте... А лучше вот что, – Калядин поднял от бумаги свои честные, хорошие глаза. – Скажи ей прямо и

твердо, что передумал ты, новое решение принял. Из ресторана она может уйти, учиться поехать... Ей полезно кругозор свой раздвинуть.

– И заикаться об этом не буду, – хмуро отрезал Жуков. – Обещал, – значит, точка.

Как объяснить другу, что не способен оказать этого Клаве, что из-за этого может сломаться все! При каждой встрече Клава становится все требовательнее и нервнее – все разговоры сводит к одному – когда демобилизация, когда они уедут отсюда?

Совсем недавно на танцах вдруг залилась слезами: «Не могу я больше терпеть, Леня». В другой раз, сидя на скамеечке в парке, крепко взяла за руки, всматривалась в глаза: «Любишь, вправду любишь, Леня? Сделаешь, что попрошу?» Но не попросила ничего, перевела разговор на другое...

А то вдруг меняется совершенно, косится дерзкими, словно опустевшими глазами. Не раз назначала свидание и не приходила – заставляла зря ожидать себя на каком-нибудь перекрестке или в сырой аллее парка...

– Люди говорят – ты мне не пара! – сказала как-то особенно отчужденно и зло. А потом снова менялась, смеялась, заглядывала в глаза своими непонятными, ждущими чего-то глазами.

А тут еще – после того спора в кубрике – пошел раздор с лучшим другом. У, этот Калядин! Сам виноват, опорочил ни за что ни про что Клаву и надулся, точно обидели его

самого...

«Нет, брат, я тоже с характером, командовать собой никому не позволю... А девчонке, Шубиной, позволяешь командовать собой?» – тут же упрекнул себя Леонид, словно от имени друга... И от этого расстроился еще больше.

А нынче, перед походом, стряслось новое дело. Пришел приказ о списании его, старшего матроса Жукова, с корабля в состав экспедиции особого назначения.

Узнав об этом, растерянный, он пришел к заместителю командира по политчасти. Почему его списывают с «Ревущего»? Надеялся дослужить свой срок на родном корабле...

– И может быть, из-за этого, – немного замялся Жуков, – задержится увольнение в бессрочный?

Но заместитель командира корабля по политической части сразу разъяснил все. Его списывают в состав экспедиции как опытного сигнальщика, выдержанного, проверенного комсомольца. Демобилизован он будет в срок.

– И не все ли равно вам, – сказал замполит, помолчав, с каким-то особым, как показалось Жукову, укоризненным выражением, взглянув на старшего матроса, – на каком корабле и на каком море смените военную форму на гражданское платье, если твердо решили уйти с флота?

Да, разумеется, это ему все равно. Только бы не было задержки... И может быть, даже лучше закончить службу дальним интересным плаванием, в которое, как дал понять замполит, он должен пойти... И проще решается вопрос об

увольнении в бессрочный – много легче будет уходить из другого кубрика, с другого фронта... Но снова он стал думать о Клаве.

С каждым часом чувство грусти и неустроенности сильнее охватывало его. И Калядин, будто угадав его мысли, заговорил перед началом вахты прежним приятельским тоном:

– Матросский телеграф говорит – в интересную экспедицию идете.

– Интересная-то интересная...

«Ревущий» все-таки покидать жалко?

А думаешь, не жалко? Просолился, просмолился на нем насквозь.

Все равно ведь от нас уходить решил. Так какая разница? – Глаза Калядина потемнели, вызывающе прозвучал голос.

– Все равно – ясное дело! – с таким же вызовом ответил Жуков.

И вот теперь, на вахте, горько вспоминать все это. И старый друг старшина работает рядом словно чужой. Вот уложил флаги в ячейки сигнального ящика, сердито покосившись из-под припухших от ветра век.

Жуков поднес к глазам свисавший с шеи на ремешке бинокль. Балтика родная! Ровно колышутся бесконечные волны, лиловато синяя, отливая радугой по краям... Хорошо повоевали, разгромили врага, пора на сушу...

Он слышал, как за его спиной командир корабля негромко

что-то сказал вахтенному офицеру.

– Старший матрос Жуков, почему не доложили о парусе в вашем секторе наблюдения? – торопливо спросил вахтенный офицер.

Парус! В его секторе наблюдения! Напрягшись, всматривался изо всех сил. Но и особо всматриваться не нужно – вот он и впрямь парус: большой, ясно видимый, скользящий у кромки облаков.

– Рыбачий бот, оправа по носу двадцать, – громко доложил Жуков.

И тут же сообразил, почему не заметил этого паруса раньше. Хотел объяснить командиру, но промолчал – на мостике никаких лишних разговоров. Вот и заработал выговор напоследок!

Но он не хотел примириться с этим. Сменившись с вахты, не ушел сразу с мостика, как делал обычно. Переминаясь с ноги на ногу, стоял у мачты, поглядывал на командира. Нужно обратиться, объяснить, почему вовремя не доложил о парусе.

Он смотрел на низкорослого, коренастого офицера, стоявшего между рулевой рубкой и тумбой машинного телеграфа. Нужно заговорить с командиром!

Капитан-лейтенант Бубекин лишь в послевоенные дни, придя с Северного флота на Балтику, принял командование кораблем, но матросы уже полюбили его за требовательную справедливость, за скрываемую внешней суровостью добро-

ту.

«Нет, нельзя отвлекать командира во время похода...»
Вздыхнув, шагнул к трапу, ведущему на полубак.

– Старший матрос Жуков! – окликнул его Бубекин.

– Есть, старший матрос Жуков! Сигнальщик радостно повернулся!.

– Почему задержались на мостике после вахты? – Маленькие темные глазки Бубекина остро смотрели из-под надвинутого на брови козырька.

– Думал обратиться к вам, товарищ капитан-лейтенант.

– Обращайтесь.

– Объяснить – почему не доложил о парусе – разрешите...

Не моя это вина...

Бубекин смотрел на него молча.

Не было паруса на горизонте. Это же мотобот шел. Не под парусом, а под мотором. На таком расстоянии не просматривается силуэт... А парус поднял потом – как раз перед тем, как вы вахтенному офицеру сказали.

Дальше! – сказал Бубекин. Уже не глядя на сигнальщика, вскинув бинокль, всматривался в море.

Жуков молчал. Как будто объяснил все? Он видел, что жилистая шея капитан-лейтенанта стала краснеть над белой полоской подворотничка, ясно выделился на ней длинный бугорок шрама – след давнего ранения.

Наконец командир опустил бинокль, окинул сигнальщика сумрачным, раздраженным взглядом.

– Значит, говорите, не ваша вина, потому что мотобот без паруса шел. Разглядеть его не успели?

– Так точно, товарищ капитан-лейтенант, – упавшим голосом сказал Жуков.

Он уже понял свою ошибку.

– А я успел заметить парус и вам замечание сделать? В тот самый момент, когда его подняли на боте.

Жуков молчал, вытянув руки по швам.

– А когда вражеский перископ встает над волнами? На две секунды покажет его враг и уберет снова, торпедный залп даст. Тоже будете оправдываться, что за секунду до этого не было на поверхности перископа?

Жуков смотрел виновато. Взгляд капитан-лейтенанта стал мягче, потерял яростное выражение. Бубекин медленно вынул из кармана трубочку с многоцветным мундштуком.

– Вы, Жуков, матрос неплохой, опытный сигнальщик. Именно потому я рекомендовал вас в состав экспедиции. Молодецки очистили флаг, вам будет вынесена благодарность в приказе. Но сейчас допустили грубую ошибку. Ослабили внимание, задумались, верно, о чем-нибудь?

– Было такое... Мирное же время, товарищ командир, – слабо сказал Жуков.

– Точно – сейчас мирное время. Ходим в родной Балтике, из которой выбросили врага. Но нельзя снижать бдительность, ослаблять внимание. В военное время если бы проглядели перископ – что было бы?

Худо было бы, товарищ капитан-лейтенант.

Поняли, стало быть?

Понял, товарищ капитан-лейтенант. Бубекин вдруг ласково улыбнулся.

Хорошо, идите.

Жуков сбежал вниз. Его шаги прозвенели по окованным медью ступенькам трапа.

«Превосходный сигнальщик, – думал Фаддей Фомич Бубекин, – а в последнее время допускает ошибки. Мечты о бессрочном на него действуют, что ли... Мыслями где-то витает... Может быть, и в состав экспедиции зря я его рекомендовал... Да ладно, там дело простое – при том ходе, которым будут их корабли топать».

Командир «Ревущего» прошелся по мостику, вновь поднял бинокль, долго глядел в том направлении, где, уже сильно уменьшившись, все еще белел одинокий парус.

– Вахтенный офицер! – позвал Бубекин. Лейтенант был уже рядом с ним.

– Запишите в вахтенный журнал – в такое-то время встретили одиночный рыбачий бот, шедший под мотором в сторону базы.

– Есть! – откликнулся лейтенант.

– Когда придем из похода – сообщите об этом пограничной охране. Вам не кажется странным, что он поднял парус, только заметив нас?

Сейчас, товарищ капитан-лейтенант, столько ботишек хо-

дит на лов... И с горючим свободнее стало... Верно, отстал от своих.

Но они, как правило, не ходят под мотором при хорошем попутном ветре, – сердито бросил капитан-лейтенант.

А Жуков, опустившись с мостика, долго еще не мог успокоиться. Невкусным казался жирный мясной обед с компотом, который так хвалили сегодня товарищи. Неудачно проходит последний день службы на родном корабле! А впереди новое, нелегкое объяснение с Клавой.

Глава вторая

Боцман встречает друга

Мичман Агеев поднял кружку с ледяным квасом. Осторожно подул на пену, косым бугром вставшую над толстой кромкой стекла. Сделал небольшой глоток и вновь поставил кружку на прилавок киоска.

Вечерело, но закатное солнце все еще беспощадно жгло с безоблачного балтийского неба.

По широкой улице летела едкая пыль – частицы кирпичного щебня и пепла от разрушенных бомбежками, еще не

восстановленных зданий, здесь и там громоздящихся вокруг. Ветер дул с моря, но, проносясь над каменными пирсами и зданиями портовых построек, над красными черепичными крышами остроконечных домов, терял по пути всю свою бодрящую свежесть.

Сергей Никитич повел широкими плечами, стянутыми горячим сукном. Конечно, в рабочем бумажном кителе было бы куда свободней, но, выходя в город, мичман всегда надевал новый суконный китель. Может быть, поэтому и не любил часто уходить в увольнение. Много проще чувствовал себя на борту...

Он опять прихлебнул квасу. Приподняв беловерхую фуражку, стер пот с костистого, будто облитого йодом лба под завитками мягких светлых волос. Снова взял граненую кружку с прилавка, наблюдая лениво, как один за другим лопаются пузырьки над поверхностью прозрачной, темно-коричневой влаги.

Некуда спешить. Выходной. Срок увольнения далеко не истек.

Даже, верно, нет еще шлюпки у пирса. Но он уже отдохнул хорошо. Погулял, выкупался, полежал на пляже.

Разумеется, мог бы куда лучше провести выходной. Так, как все чаще мечтается с некоторых пор... С тех пор, как состоялось это мимолетное сперва, а потом все больше забирающее за душу знакомство... Да, когда впервые увидел ее на палубе дока, мог ли он ожидать, что образ этой девушки

так властно захватит мысли и чувства?

Мичман Агеев невольно взглянул на часы... Если сейчас возвратиться на док, можно успеть зайти в библиотеку, поменять книгу...

Он и раньше любил чтение, но теперь посещения библиотеки приобрели для него особую прелесть... Нет, к тому времени как подойдет шлюпка и он доберется домой – библиотека уже будет закрыта.... Стало быть, и некуда торопиться...

Скоро станет прохладней... Промчался из порта грузовик, везущий новую партию моряков, уволенных в город... Проехал пыльный загородный автобус, переполненный рабочим людом – строителями гигантской электростанции нового прибрежного города Электрогорска, спешащими после работы домой...

Мичман пил холодный квас и хотел полностью получить удовольствие. «Торопитесь медленно» – его любимая поговорка была известна всем имевшим с ним дело.

Он вскинул руку к козырьку, приветствуя проходившего офицера. Прошел матросский комендантский патруль, четко печата шаг, поблескивая вороненой сталью закинутых за плечи винтовок. Белокурая девушка выбежала из зеленой калитки, взяв под руку высокого моряка, что-то весело говорила. Местный житель, видимо рыбак, сутулый, в выцветшем комбинезоне, вошел в калитку другого дома, стал подниматься на высокое крыльцо.

Мичман повернулся лицом к массивной бочке, темневшей в глубине киоска.

То и дело рядом останавливались любители холодного кваса, звенели мелочью, поспешно осушив кружку, двигались дальше. Киоск был на полдороге от порта к городу – «заправочная станция», как называли его матросы. Сергей Никитич не опешил никуда, благодушно прихлебывал из кружки.

Конечно, было бы приятнее не стоять на ногах, а присесть за столик, заказать пивка и закуску – ну, скажем, моченый горох, воблу или сухарики, посыпанные крупной, прозрачной солью. Но хорошо освежиться и стоя. Хорошо уже и то, что оперативно развернулись с квасом, сумели организовать доставку его в этот, не так давно отбитый у гитлеровцев порт. Требовать от военторга большего – значило бы зря растравлять душу.

С ребристой каменной башни лютеранской церкви на главной площади города начали мерно, с перезвоном, бить старинные часы. Боцман считал удары. Пожалуй, можно уже вернуться в порт. Вдруг стало скучно стоять так без дела в плывущей кругом жаре. Если б не выходной – зашел бы в шкиперский отдел поговорить о доставке нового манильского троса вместо партии, забракованной вчера.

Нужно им объяснить, что трос требуется первоклассный, не такой, какой пришлось отправить обратно из-за легкого запаха гари, шедшего от шершавых волокон, потрескивав-

ших на изгибах... Если растительный трос трещит, пахнет гарью, – значит, долго лежал на складе. Пусть дадут гладкий, приятный по запаху, без вихров на поверхности...

Он слегка усмехнулся собственным мыслям. Отвлечься хочешь, Сергей Агеев? Не о тросе сейчас волнуешься ты, совсем не о тросе...

– Кружечку кваску! – услышал он за спиной чей-то очень знакомый голос.

Агеев не обернулся, только слегка отстранился от прилавка. Тот, у кого ходит в знакомых чуть ли не весь флот, не может оборачиваться ежесекундно... Сзади зашелестели бумажки, монеты звякнули о мокрый прилавок, киоскерша в белом халате подставила кружку под пенную струю...

– Товарищ боцман! – прозвучал сзади тот же очень знакомый, но теперь удивленно-восторженный голос. – Вот уж встреча так встреча!

Мичман обернулся и уже в следующий момент крепко сжимал протянутую ему руку.

– Фролов, друг... – только и сказал мичман Агеев. Перед ним, одетый в серый фланелевый штатский костюм, в желтые щегольские ботинки, стоял старый фронтовой друг – Дима Фролов.

Поля мягкой фетровой шляпы прикрывали смелые смеющиеся глаза, широкий воротничок снежно-белой апашки охватывал смуглую шею.

– Сергей Никитич! – повторил Фролов.

Не выпуская руки Агеева, придвинул к киоскерше свою разом опорожненную кружку, поставил рядом опустевшую кружку боцмана.

– Еще по кружечке...

Значит, довелось-таки встретиться в мирное время. Помните, товарищ боцман, как мечтали об этом времени там – на Муста-Тунтури, в вашем кубрике, на Чайкиной Ключе.

Еще бы не помнить! – так же весело отозвался Агеев.

Эх, жалко, водочки нет! По такому случаю чокнуться бы горячим. Квасом, говорят, только дураки чокаются.

Ничего, чокнемся и кваском. Другой поговорки не слышал: у кого дурость есть, тому водка желанная вещь?

– А вот квас – питье для нас. Так, что ли? – улыбался Фролов.

Они допили кружки, медленно двинулись по широкой асфальтированной дороге в сторону наклоненных решетчатых кранов и пересекающихся реев, чуть видных за оградой далекого порта.

– Стало быть, демобилизовался, друг? В бессрочном отпуску? Ишь, каким франтом вырядился, – благодушно взглянул Агеев на шагающего рядом Фролова.

– Демобилизовался, Сергей Никитич. А вы, вижу, уже мичманом стали. Поздравляю... Может быть, и боцманом зря вас зову?

– Нет, я по-прежнему боцман...

– Сверхсрочник, значит! И знаменитая ваша трубочка с

вами. Помните, грозились в те годы: как отвоюемся – сразу куда-нибудь в рыболовецкий колхоз или на траловый флот, трещечку ловить. Вы ведь до рыболовства большой охотник.

Рановато еще, – пробормотал Агеев. – Придет время, займусь и рыбалкой.

И не женились пока, товарищ мичман, семьей не обзавелись?

– Пока не обзавелся. Знаешь пословицу: «Жена не сапог – с ноги не скинешь». Не такое простое дело, – добавил отрывисто Агеев.

А другую пословицу знаете? – смеялся Фролов. – «Долго выбирать – женатым не бывать». Я вот, чтобы не ошибиться, в каждом порту по женке завести хочу.

Ну это ты брось, – нахмурился боцман. – Моряк не кушшка, должен крепкое гнездо свить.

– Так что же, подавайте пример, Сергей Никитич... И вдруг Фролов стал серьезным.

– А я, по правде говоря, никак не думал вас в морской форме увидеть. Всегда казалось – совсем другое у вас впереди.

Задорно глянул на Агеева, но тот словно не слышал. Косая широкоплечая тень боцмана ровно взмахивала руками, скользя по каменным плитам тротуара.

– Чудно устроена жизнь, – сказал Фролов, помолчав. – Скажи я ребятам на Севере, что снова Сергей Никитич по боцманской линии пошел – ни в какую бы не поверили.

Он снова взглянул на идущего рядом. Агеев промолчал, неторопливо печатая шаг.

– Все мы думали – вы по другой линии пойдете.

– По какой линии? – вскинул глаза Агеев.

– Да вот по разведке, – чуть понизил голос Фролов. – Очень здорово это у вас, Сергей Никитич, получалось. Бывало, вспомню фронт – так и вижу, как пробираетесь вы где-нибудь по скалам, в плащ-палатке, с гранатой за поясом и автоматом на шее.

Круглое лицо Агеева подернулось задумчивой, немного грустной улыбкой.

Да, пришлось порыскать с автоматам на шее. Только, друг, насчет будущности моей ты ошибся. Не под тем углом ее пеленговал. Видел ты меня на сухопутье, в скалах, под этой самой плащ-палаткой, ну и решил, что я заядлый разведчик. А я, брат, по природе человек очень мирный, рыбак, сын помора, и дети мои моряками будут. Ветер в зубы, волны во-круг да палуба под ногами – вот, дорогой товарищ, мой дом.

Да уж очень хорошо у вас с разведкой получалось!

– Дело было военное, – отрезал боцман. – На войне каждый русский человек воином был, а сейчас всем народом мир строим... Ты лучше расскажи – старший лейтенант Медведев жив-здоров?

– Да он теперь не старший лейтенант! Капитан второго ранга. На Дальнем Востоке командует он...

Агеев предупреждающе поднял руку. – Точка. Значит,

жив-здоров капитан второго ранга. А чем он командует – будем держать про себя.

– А я... – начал было Фролов и осекся. Хотел было рассказать о новой своей работе, но пусть боцман поинтересуется сам. «Все такой же Сергей Никитич, – думал Фролов без обиды, – любит одернуть человека в мирное, как и в военное время. Так и отбрил. Ладно, сердиться на него не могу. Но пусть сам поинтересуется, где и что я сейчас».

Но боцман не интересовался, молча вышагивал рядом.

– А вы-то сами где теперь, Сергей Никитич?

– Так, на одном объекте, – сказал боцман неопределенно. – Воинская часть пять тысяч двести четыре... В общем, видеться будем часто. – Он с легкой улыбкой взглянул на Фролова. – В матросском парке здесь ты еще не бывал? Побывай обязательно. Соловьев здесь – до страсти. Заслушаешься, как поют. Думка приходит: не без того что из курских краев их сюда перевезли – балтийцам в подарок.

Фролов молчал, сбитый с толку внезапной переменой разговора. Мичман улыбнулся по-прежнему – одними глазами.

– На ледоколе служишь давно?

– Как демобилизовался... Года еще не будет, – начал было Фролов и замолчал удивленно. – Да вы откуда знаете про ледокол? Ничего я вам не сообщал.

– Догадка тут небольшая, – удовлетворенно усмехнулся Агеев. – Вот он, «Прончищев», дымит у стенки, недавно ошвартовался. А ты весь – хоть и в штатском, а свежей морской

просолки. От тебя еще волной открытого моря пахнет. И потом... – он деликатно замолчал.

Да уж говорите, Сергей Никитич, говорите!

Костюмчик на тебе, извини, с виду высший сорт, а на деле – дерьмо в целлофане. Такие костюмы только за границей морякам дальнего плавания умеют сбывать. Ясно?

– Ясно вижу! – сказал восхищенно Фролов. Нет, он не мог обижаться на Агеева! – Все как по нотам прочитали. Костюмчик, верно, не наше «метро», его мне в Финляндии сосватали, когда мы там на ремонте стояли... Ну, товарищ мичман, жалко, времени больше нет, хочу по городу подрейфовать. Значит, говорите, будем встречаться?

– Значит, будем, – потряс его руку Агеев. – Идите, развлекайтесь.

Фролов хотел сказать еще что-то, но мичман уже шагнул к порту.

– Сергей Никитич! – окликнул Фролов.

Агеев обернулся. Солнце, скрывавшееся за домами, светило ему в спину, яркими контурами обрисовывало высокий, устойчивый силуэт.

А вы говорите – не нужно было вам по той линии идти... С проницательностью вашей... Ну ладно, ладно, не хмурьтесь... Вас да капитана Людова – весь флот прирожденными разведчиками считал. С капитаном-то не встречаетесь больше?

После Дня Победы не встречался, – задумчиво произнес

Агеев. — Думаю, скорей всего демобилизовался капитан. Часто он нам говорил: я, дескать, научный работник, лишь окончится война — засяду снова в своем институте. Книжку он по философии писал, война ему помешала. И наружность, помнишь, у него не очень боевая — щуплый, в очках, — с нежностью улыбнулся мичман.

Щуплый, щуплый, — тоже заулыбался Фролов, — а помню, рассказывали вы, как он с разведчиками в тыл к фашистам ходил, не раз и не два. Своими руками взорвал завод у Чайкина Клюва.

— Я тебе говорил — на войне каждый русский человек воином был! А капитан Людов, старый партиец, нам пример подавал. Был комиссаром разведчиков, а как погиб командир в операции у Западной Лицы, пришлось ему командование отрядом принять. Так до конца войны нашим командиром капитан Людов и остался... Ладно, о прошлом вспоминать — дотемна простоять можно!

Он решительно протянул руку Фролову. Тот снова ответил долгим пожатием.

Хочу еще разок сказать вам, Сергей Никитич, — очень я рад, что вас встретил!

И я рад, друг, — с большой теплотой сказал мичман. — Только вот, еще раз скажу — лишнего не болтай. В городе всякий народ есть. То ли с девушками, то ли с кем из вольных — о корабельных делах, о том, куда скоро пойдете, — молчок. О бдительности помни.

Приложил руку к фуражке, зашагал в сторону порта своей быстрой и мягкой походкой.

Он шел и хмурился и улыбался одновременно, перебирая, в памяти разговор с Фроловым. Прежние воспоминания нахлынули на него. Сопки, разведчики, боевая, полная приключений жизнь. Нет, он не жалел об этих, канувших в прошлое днях.

Куда дороже сегодняшняя морская работа. Счастливый труд отвоеван в боях. Приятно сознавать, что ты, моряк военного флота, стоишь на страже этого мирного труда, сам трудишься для процветания великой мороккой державы.

Душу радуют высокие нарядные корабли на рейдах и у широких бревенчатых стенок. Стройный рангоут, лес окруженных легкими фалами мачт. Запах дыма и мазута плывет от палуб и труб, запах свежей рыбы — от широких влажных рыбачьих сетей, растянутых на пристанях и над бортами для сушки.

Хорошо выйти на верхнюю палубу ночью, когда весь рейд заполнен колыханием белых якорных и разноцветных отличительных огней, трепещущих в чернолаковой зыби. Пробежать по палубе утром, когда над мороккой прохладой всплывает неяркое еще солнце, слышатся приглушенные расстоянием слова команд, переключка рыбаков и грузчиков у кораблей, уходящих в дальние рейсы.

Высокие, кренящиеся от быстрого хода парусники и грузные, закопченные буксиры движутся среди могучих боевых

кораблей — готовых к выходу в море красавцев.

И когда тяжелые волны начинают с размаху бить в борт и ветер брызжет в лицо освежающей пеной, так приятно выбраться из жаркого кубрика на омытый океанскими волнами шкафут...

Вот и сейчас надвигаются — поход через два океана, новые страны и люди, жизнь в открытом море, любезная сердцу советского моряка. Велика гордость представителя необъятной морской державы!

Мичман вышел к линии обнесенных высокой оградой бассейнов — водяных излучин, глубоко вдавшихся в сушу. На глади этих излучин зыбко отражались борта и грубы кораблей. Дальше вздымалась тускнеющая синева рейда.

Он свернул в раскрытые ворота. Мимо моряка-часового, проверившего его пропуск, вышел на стенку, зашагал вдоль корабельных бортов, между ящиков и тюков, приготовленных к погрузке.

По краю стенки прохаживался средних лет офицер в белом кителе, с кортиком у бедра. Офицер был тучен и высок, длинная пушистая борода падала на выпуклую грудь. Все на нем переливалось и блестело: золотые погоны на плечах, отделка кортика, начищенные, как зеркало, ботинки. Под лаковым козырьком фуражки, окаймленным орнаментом из бронзовых листьев, круглились выпуклые, добродушные глаза.

На док, мичман? — взглянул на Агеева начальник экспе-

диции Сливин.

Так точно, товарищ капитан первого ранга.

Сейчас подойдет мой катер... Сегодня переносу свой флаг на «Прончищев» – там будет штаб экспедиции... Что так рано с берега? На увольнении были?

Не рано, погулял в самый раз.

Добро. Подброшу вас на док.

– Спасибо, товарищ капитан первого ранга.

Агеев почтительно отошел. Скользнул взглядом по лицу смуглого худощавого матроса, ждавшего поодаль, возле чемодана и шинели, затянутой в ремни. У матроса был грустно-озабоченный вид. Приветствуя мичмана, он приложил руку к бескозырке. Потом шагнул вперед, в сторону старшего офицера.

Товарищ капитан первого ранга, разрешите обратиться. Может быть, и меня прихватите?

Вы тоже на док?

Нет, на «Прончищев». Старший матрос Жуков, направлен в распоряжение начальника экспедиции.

Пойдете со мной... Сигнальщик Жуков? – Сливин улыбнулся. – Капитан-лейтенант Бубекин дал о вас хороший отзыв. А что вы хмурый такой? К нам переходить не хотели?

Голова что-то болит.

Ничего, в море пройдет. Вы, я слышал, на шлюпке ходить мастер. Люблю шлюпочное дело...

От борта далекого ледокола отделился катер, пошел в их

сторону, вздымая пенный бурун.

Он огибал огромное, странной формы сооружение, как квадратный остров, легшее посреди рейда.

Плавучий док был похож на костяк многоэтажного дома, перенесенный на воду с суши.

Над железными понтонами его стапель-палубы взлетали две боковые узкие башни, соединенные наверху ажурным стальным мостом. Крошечная фигурка сигнальщика чернела на вершине одной из башен, у флага, выющегося на невидимом издали флагштоке. На башнях горбились силуэты электролебедок и кранов.

Катер подходил к стенке. Жуков поднял чемодан и шинель. Чувствовал себя неловко под устремленным на него взглядом высокого мичмана.

– Товарищ старший матрос! – негромко окликнул мичман.

Жуков остановился.

– Приведите себя в порядок. У вас под ухом, возле правой щеки, след от губной помады, – с упреком, веско, по-прежнему вполголоса сказал Жукову Агеев.

Вспыхнув, Жуков торопливо достал из кармана платок.

Мичман и несколько человек, ждавших в стороне, размещались у катерной рубки. Первой уселась на банке женщина средних лет в светлом платье, с угрюмым лицом, с желтыми волосами, заправленными под ядовито-зеленую шляпку. Когда Жуков с вещами в руках спрыгнул на катер, она

сердито подобрала ноги, как бы боясь, что он запачкает ее телесного цвета чулки. Капитан первого ранга шагнул через борт катера, прошел в рубку.

Опять наша Глафира Львовна нынче не в духе, – добродушно сказал моряк, рядом с которым сел Жуков. – На ледакол с берега возвращаться не любит.

А разве на ледаколе женщины служат? – Жуков еще раз потер щеку платком. Его томили неотступные мысли о Клавье.

– Как же, две буфетчицы у нас есть по штату. Эта вот – в кают-компании, а другая – в капитанском салоне и библиотекарем по совместительству будет работать. С дока ее переводят... А ты тоже с нами в поход?

– Выходит, что так, – сказал отрывисто Жуков. Все ближе вырисовывался – обводами длинного, крутого корпуса, голубыми широкими трубами, обведенными желтой каймой, – ледакол, стоящий на рейде. На его скуле зоркие глаза сигнальщика уже различали бронзовую надпись: «Прончищев».

Ночью на пустынном морском берегу два пограничника двигались вдоль линии прибоя. Старые фронтовые друзья, Панкратов и Сулов, «орлы капитана Людова», как прозвали североморских разведчиков в славные военные годы. Не так давно перешли они служить с Баренцева на Балтийское море.

Впереди, на коротком поводке, обнюхивал камни огромный красавец пес, служебно-розыскная овчарка.

– След, след! – говорил Панкратов.

Овчарка остановилась, злобно залаяла на плоский, обтянутый мхом валун. Блеснули лучи фонариков.

Овчарка потянула вверх, к окутанным темнотой скалам.

Пограничники карабкались по скалам. Начинаясь расцвет, заливал тусклым маревом берег с мигающим вдали маяком, неустанно плещущее море.

– Вот здесь он с камней на песок спрыгнул, – сказал Панкратов.

– Вот побежал по открытому месту, – говорил Суслов, поспевая за овчаркой, всматриваясь в песчаный грунт. – Вот снова пошел... Роста среднего, не такой молодой, похоже – из военных, к строевому шагу привык.

Возле одной из расселин пес остановился, залаял.

– Полундра, – сказал Панкратов.

Разбросали завалившие расселину камни. Осторожно извлекли из глубины водонепроницаемый, туго набитый мешок. В мешке был легководолазный костюм: ласты с перепонками, кислородная маска, ранец.

Порядок! – сказал Суслов. Чуть сдвинул набекрень зеленоверхую фуражку пограничника, ту же стянул ремнем гимнастерку.

След! След! – приказывал снова Панкратов.

Пес повизгивал, натягивал поводок. Вышли за гребень скал, к полотну железной дороги, к линиям голубевших под лучами рассветного солнца рельсов. Овчарка заметалась у

шпал.

– Так, – сказал Панкратов. – Здесь он, стало быть, к поезду прицепился... Давай докладывать на заставу...

Глава третья

Скоро в море

Над головами протяжно загремело железо – по палубе «Прончищева» проносили поданный с берега груз.

Сквозь распахнутый иллюминатор, обрамленный ярко начищенной, пропитанной солнечным жаром медью, было видно, как решетчатая стрела крана снова проплыла над стенкой, заваленной ящиками и тюками.

– Таким образом, прогнозы благоприятствуют выходу, – закончил штурман Курнаков и стал выравнивать стопку лежавших перед ним документов. – Устойчивые ветры северных направлений, в один-два балла. Штормовая погода воз-

можно не раньше, чем в Скагерраке, ну и, конечно, у Лофотен...

За иллюминатором плавился, казалось, от жары наружный безветренный воздух. Снова загремело над головами. Мимо иллюминатора мелькнула решетчатая рука крана.

В кают-компании ледокола за длинным, застеленным синим сукном столом сидели моряки командного состава – кто в белых форменных кителях, кто в легких штатских костюмах. Два длинных пропеллера вращались у подволока, покрытого белой масляной краской. Они оведали внимательные лица, обращенные к большой карте перехода. Карта висела за спиной Сливина на покрашенной под дуб переборке.

Рядом с Курнаковым – начальником штаба экспедиции – очень прямым, худошавым, полным той корректной сдержанности, которая отличает наших штабных офицеров, сидел младший штурман Игнатьев. Шапка белокурых волос вздымалась над юношески свежим лицом.

Заместитель начальника экспедиции по политической части капитан третьего ранга Андросов, полный, с лысиной над большим покатым лбом, сложил и сунул в карман кителя конспект своего доклада.

Против Сливина откинулся в кресле одетый в просторный чесучовый костюм капитан «Прончищева» Потапов. Обмахиваясь четвертушкой бумаги, он слушал с обычным своим немного рассеянным, будто скучающим видом. Вот он наклонился к старшему механику – пожилому человеку с седе-

ющим ежиком волос, что-то шепнул. «Проследите... механизмы...» — донеслось до капитана первого ранга. Старший механик кивнул, осторожно отодвинул кресло, вышел из кают-компаний.

На карте, вокруг желто-коричневых, изрезанных фиордами берегов Скандинавии, по голубизне двух океанов тянулась тщательно вычерченная штурманами нить — намеченный курс каравана. Линия, начинаясь от Балтийского моря, вдавалась острыми углами в шведский порт Гетеборг и в норвежский — Берген. Она огибала самую северную окончательность Европы, уходила в простор Ледовитого океана.

Начальник экспедиции провел платком по гладко выбритой голове. Просматривал записи, сделанные во время доклада. Тяжелая, прорезанная сетью голубых вен рука легла на сукно стола.

— Ну что же, товарищи... Как будто подготовились к выходу не плохо... Вопросов к докладчикам словно бы нет... Так, так...

Сливин вчитывался в свои заметки.

— По сообщению штурманской части... Вы, капитан второго ранга, не очень полагайтесь на прогнозы... В одном из прошлых походов, тем же маршрутом, синоптики давали сплошной штиль, а корабли чуть не навалило штормовым ветром на скалы... Стало быть, лоцмана впервые примем на борт у Треллеборга?

— У Треллеборга, — вытянулся капитан второго ранга Кур-

наков. – Подойдет датчанин, будет вести нас Зундом в Каттегат.

Прошу сесть... По докладу капитана третьего ранга Андросова тоже все ясно... Темы намеченных политзанятий... Будет укомплектована новыми книгами библиотека, перенесенная с дока на ледакол...

Обеспечить передвижками док, «Пингвин» и «Топаз»... Хорошее дело! Описки закупленных книг доложите мне.

Есть, доложить списки, – поднялся с кресла Андросов. – Разрешите маленькое дополнение?

Сливин кивнул.

По инициативе комсомольской организации библиотекарь Ракитина производит опрос личного состава для выяснения, кому какие книги хочется прочесть в пути.

Верно, спрашивала она и меня, – улыбнулся Сливин.

– Татьяна Петровна уже связалась с местным книжным коллектором, – продолжал Андросов. – Там обещали обеспечить нужный нам подбор книг...

Приятная девушка Таня. Вот бы ее сюда в кают-компанию вместо этого вашего дракона – Глафиры! – шепнул белокурый Игнатьев штурману ледакола Чижову.

Тогда бы она библиотекарем быть не могла. Обслужить кают-компанию – работа на целый день, – деловито откликнулся Чижов.

Начальник экспедиции кончил просматривать свои заметки...

Бесшумно вращались пропеллеры, из иллюминаторов потянуло предвечерней прохладой.

Сливин с удовольствием расправил плечи, погладил бороду, окинул присутствующих взглядом. Командиры «Пингвина» – буксирного корабля и «Топаза» – посыльного судна, сидя в конце стола, шепотом говорили друг с другом, но теперь повернули к Сливину загорелые лица.

– Итак, товарищи, в основном закончена подготовка к походу, – оказал Сливин, вставая. – В дни мира мы, военные моряки, должны выполнить с честью важное задание правительства. Моряки «Прончищева» нам помогают отлично.

Сливин значительно помолчал.

– Прошу всех помнить. Много дней проведем в водах иностранных государств. Капитан третьего ранга Андросов не напрасно подчеркивает необходимость познакомить личный состав с историей, этнографией, теперешними политическими режимами Швеции и Норвегии. Посещение иностранных государств – новая возможность для нас укрепить дружбу с народами, которые мы защитили от гитлеровского ига.

Сливин вновь обвел взглядом сидящих вокруг стола.

– Мы призваны помочь растущему нашему гражданскому флоту перегонкой на Север плавучего дока для ремонта ледоколов, траулеров, пассажирских судов. Уверен – каждый отдаст все свои силы и способности делу успешного завершения похода. Во всяком случае, если пойдем без задержек, будем в пункте назначения до наступления осенних штор-

мов.

В круге иллюминатора сияла голубизна безоблачного неба. От стоящего в соседнем бассейне военного корабля стали доноситься чистые звоны отбивающих время склянок...

На мостике «Прончищева» Фролов поднял бинокль, стал медленно вести им слева направо. По военной привычке тщательно просматривая море и берег.

Скоро время сдавать вахту Жукову – новому сигнальщику экспедиции.

Неплохой малый Жуков, шустрый парнишка... Сперва попробовал было заноситься, хвастать – что он, дескать, боевой моряк, в дни войны ходил на Ханко, имеет звездочку, медали «За отвагу» и «За оборону Ленинграда». Но он, Димка Фролов, тоже гангутец, оборонявший Ханко, а потом служивший всю войну за Полярным кругом, рассказал ему только один-два из своих боевых походов, и парень сразу стал держаться по-другому...

Фролов вел биноклем по береговой черте.

В светлом, сдвоенном круге возникли и поползли вбок квадратные плиты набережной.

Зачернели чугунные тумбы кнехтов, стальные тросы закрепленных вокруг них швартовов.

Качнулись поручни деревянных сходней, перекинутых на стенки с бортов кораблей.

Взгляд Фролова скользнул дальше – по воде рейда, глад-

кой, как асфальт, радужной от нефтяных разводов.

В окуляры бинокля вошли борта кораблей. Бинокль уперся в прямоугольную громаду дока посреди рейда.

«Вот так махина! – уже не в первый раз с уважением подумал Фролов. – Целый плавучий завод. Отсюда его боковые башни кажутся не очень большими, но матросы рассказывали – в них скрыта целая электростанция, освещающая док, приводящая в движение его лебедки и краны... В этих башнях расположены жилые помещения, камбуз, ремонтные мастерские. А на нижней палубе, огромной, как стадион, сразу могут ремонтироваться несколько кораблей. И размещенные по краям этой палубы, вдоль башен, две старые океанские баржи занимают на ней не очень много места...»

«Прончищев» принимал с набережной последние грузы. Матросы, выстроившись у сходней, передавали из рук в руки ящики, мешки с продуктами. Работал разгрузочный кран. Грузовики один за другим уходили в тесные портовые переулки, в сторону оттененных зеленью красных черепичных крыш.

«Скоро в море, – думал Фролов, глядя на очертания дока, – трудно себе представить, что наш „Прончищев“ впряжется в эту громадину, потянет ее за собой через два океана».

С дока слышался отдаленный грохот металла о металл, по его нижней палубе двигались фигурки матросов...

«А интересно получается в жизни. Вот где, значит, при-

шлось встретиться с боцманом Агеевым... Оказывается, вместе пойдем в поход, — он на доке, я на ледоколе. Он — мичман, по-прежнему военный моряк, я — моряк ледокольного флота, гражданский теперь человек».

Вдруг стало горько, что списался с военных кораблей.

«А вот боцман Агеев ее описался. Не списались и капитан второго ранга Медведев и капитан-лейтенант Бубекин, отчаянный моряк, ходивший на „Геринга“ в торпедную атаку...»

Услышав от Жукова фамилию командира «Ревущего», сразу вспомнил об этом подвиге северных моряков.

«Но и на ледоколе интересная работа, хорошие, дружные ребята... Вот тот же Жуков — как рвется в бессрочный. Правда, мечтает о бессрочном, а иногда становится мрачным, намекает, что, если бы не сердечная причина, не ушел бы с боевых кораблей... Хороший парнишка Жуков, пожалуй, крепко сдружимся с ним в походе... А что-то сейчас делает боцман? Верно, подтягивает ребят на доке, учит своему любимому делу...»

— Перекурка, матросы, — сказал, распрямляясь, Агеев.

Сунув под мышку жестяной мегафон, он снял брезентовые рукавицы, стер пот с жесткого сурового лица. Шагая через бухты тросов и грузные извивы якорных цепей, присел на груды длинных, неструганых бревен, уложенных рядом с баржей, вдоль стены доковой металлической башни.

Матросы боцманской команды рассаживались вокруг. Одни были в рабочем платье, распахнутом на груди, другие

– в потемневших от пота тельняшках. Несколько человек работали обнаженными до пояса – под закатным солнцем плечи и спины блестели, как полированная медь.

Они усаживались в тенивые места, где больше чувствовалась вечерняя прохлада.

Матросы смотрели на море, на четкие очертания кораблей, опрокинутыми силуэтами отражавшихся в желтовато-зеленой воде.

На корму «Прончищева» вышла Таня Ракитина в белом халате, с ведром в руке. Ветер завивал халат вокруг ее ног, играл выбившимися из-под косынки темными завитками волос. Чайки, парившие вдали от корабля, с хриплыми криками кинулись к выплеснутым из ведра хлебным коркам.

Повернув ласковое живое лицо в сторону дока, девушка улыбнулась кому-то.

Матросы заулыбались в ответ. Мосин – мускулистый, обнаженный до пояса парень, сдернул бескозырку, взмахнул ею над коротко остриженной головой. Девушка отвернулась, легко помахивая ведром, скрылась в камбузной рубке.

– Стало быть, не мне позывные! – с шутливой грустью сказал Мосин. – Вот девушка на все руки! И буфетчица, и библиотекарь, и медсестра. Эх, не удержали мы ее, братцы, отпустили на ледакол!

Мосин снова нахлобучил бескозырку на брови.

– Тогда кому же улыбку посылала, кто счастливец, матросы?

Обвел озорными глазами лица моряков, остановил взгляд на молодом матросе Щербакове, присевшем поодаль.

– Не вам ли, товарищ колхозник, девушка весть подавала?

– Кому она весть подавала – тот про это и знает, – строго сказал Агеев. – Для вас здесь самое главное, что не вам.

Главный боцман видел, как застенчиво востепенелся задумавшийся Щербаков. Сергей Никитич не выносил попыток поднимать на смех молодых матросов.

От понтонов палубы пахло теплым металлом и морской глубиной. От древесных стволов – сладким смолистым запахом леса. Свежий аромат ржаного, только что выпеченного хлеба тянулся из пекарни, сооруженной на палубе дока... И обожженное солнцем лицо Щербакова, сидевшего у среза бревна, подернулось задумчивой грустью.

Он положил на шершавую кору ноющие от напряжения ладони. Томительно ярко встали в воображении хвойные заросли вокруг родного колхоза, из которого уехал служить на флот.

Солнце низко висело над радужной поверхностью рейда. Чайки кружились над водой. Одна птица подхватила хлебную корку, круто взвилась вверх.

– В древних книгах писали, – сказал молодой боцман Ромашкин, – дескать, души моряков, погибших в море, переселяются в чаек. Летят эти души за кораблями в поход, тревожным криком предупреждают о шторме.

Это и я слышал, – подхватил Мосин, – потому, дескать, и

убивать чаек не положено. По-дедовски выражаясь, – большой грех. – Он покосился на мичмана, набивавшего трубку. – Знаем мы эти бабушкины сказки.

Насчет душ – это точно бабушкины сказки, – откликнулся Агеев. Отойдя от бревен к кормовому срезу, он чиркнул зажигалкой, затянулся. Разноцветные дольки наборного мундштука поблескивали в его прямых губах. – А что убивать чаек нельзя – истинная правда. Чайка моряку друг. Только вот разве подводники в военное время эту птицу не уважали – рассекречивали чайки их корабли.

Матросы подошли к главному боцману. Ближе всех к Сергею Никитичу встал Щербаков.

Папаша мой не раз рассказывал, друзья, – продолжал мичман. – Дружба чайки с моряком с давних времен повелась, когда еще не знали теперешних карт и приборов. Уйдет, скажем, поморский карбас на рыбалку, куда-нибудь к Новой Земле, а туда испокон веков, когда Баренцево море еще Студеным называлось, ходили поморы. И настигнет, бывало, карбас в океане штормом или все кругом туманом затянет – неизвестно, где берег. Вот тут-то чайка и приходит на помощь: с какой стороны помашет крылом, с той, значит, и суша. Моряк чайку кормит, и она ему отвечает добром.

Ну а нам, товарищ мичман, в океане, пожалуй, никакие чайки не помогут, – сказал Мосин, поглаживая голые плечи.

Он присел на широкую тумбу кнехта, за спиной Щербакова. Подмигнул в сторону молодого матроса, при рассказе

Агеева даже приоткрывшего от внимания рот.

– Выволокут док на буксирах в Атлантический океан, да тряхнет его штормом, порвет концы, и понесет нас неведомо куда. – Мосин сделал страшные глаза. – Своего-то хода и управления мы не имеем! Слышал я: когда тащили американцы док на Филиппины, что ли, их так закрутило – одна жевательная резинка осталась.

– С американцами это случиться могло, – сухо сказал Агеев.

Он загасил трубку. Положил руку на плечо тревожно насторожившегося Щербакова, строго взглянул на Мосина.

– Зачем парня дразнишь? Ты, я вижу, известный травило... Думаете, товарищ матрос, если прошли вы пять раз из Таллина в Кронштадт – так уж старый моряк, можете зубы заговаривать новичку? А вот сами на кнехт сели – допустили нарушение морской культуры.

Он не сводил с Мосина взгляда чуть прищуренных глаз, пока тот, что-то пробормотав, не поднялся нехотя с кнехта.

– Да, товарищи, – помолчав, продолжал боцман. – Поход наш будет не из легких. Только все здесь от нас самих зависит. Хорошо подготовим буксирное хозяйство – никаким свежуном его не порвет.

Он сунул трубку в карман.

Ромашкин, через пять минут кончать перекур! Поднажмите – окончить разноску якорь-цепей к спуску флага.

Есть, окончить разноску якорь-цепей к спуску флага! – ве-

село крикнул Ромашкин.

Сергей Никитич зашагал к барже. Ромашкин потянулся. Подошел к Мосину, зло и отчужденно смотревшему вдаль.

Вы, Мосин, что хмурый такой? Погладил вас против шерстки главный боцман. Так разве не поделом?

Поделом! – Мосин негодуя сплюнул. – И пошутить, стало быть, нельзя?

Он повернулся к Ромашкину.

С кнехта меня согнал – как маленького, оскрамил перед всеми!

И правильно согнал – главный боцман морской серости не терпит! – быстро, убежденно сказал порывистый Ромашкин. – Эх, парень, против какого человека ершишься!

А какой такой особенный человек?

Какой такой человек? – Ромашкин смотрел со снисходительным сожалением. – Трубку его видел?

Не слепой!

Заметил – мундштучок на ней какой-то чудной, словно мохнатый, со всех сторон зарубками покрыт?

Мосин молчал полуотвернувшись.

– Так, может быть, ты и о «Тумане» ничего не слыхал? – продолжал Ромашкин. – Служил товарищ мичман на североморском тральщике «Туман»: на том корабле, который бой с тремя фашистскими эсминцами принял, флага перед ними не спустил. И когда не стало «Тумана», поклялся наш главный боцман не пить и не курить, пока не истребит собствен-

ными руками шестьдесят фашистов – втрое больше, чем его боевых друзей на «Тумане» погибло.

Ромашкин говорил с увлечением, и все больше матросов боцманской команды скоплялось вокруг него.

Пошел Сергей Никитич в сопки, в морскую пехоту, знаменитым разведчиком стал. Умом, русской матросской хитростью врагов вгонял в могилу. И как прикончит фашиста – делает зарубку на трубке, которую ему геройский друг с «Тумана» подарил. Ровно шестьдесят зарубок на мундштуке этой трубки – и проверять не надо.

Да ну! – сказал пораженный Щербаков.

Вот тебе и ну! Да не в этом главная суть. А суть в том, что, как окончилась война, Агеев снова на корабли вернулся, рапорт на сверхсрочную подал и, видишь, служит, как медный котелок. А вы, Мосин, – «какой такой человек»! Такой он человек, что море больше жизни любит, хочет сделать из нас настоящих военных моряков.

Ромашкин затянулся в последний раз, бросил окурок в обрез.

– По годам еще молодой, а видите, как все его знают и уважают на флоте.

Он взглянул на часы.

– А ну – по местам стоять, к разноске якорь-цепей приготовиться!

Матросы разбегались по палубе, выстраивались в две шеренги возле якорных цепей...

Агеев стоял у борта, смотрел в сторону ледокола. «Кому она весть подает, тот про то и знает». А знает ли он сам, кому улыбнулась Татьяна Петровна?

Вчера, уволившись на берег, как бы невзначай встретил он на пирсе сходящую с баркаса Таню. Была изрядная зыбь, борт баркаса раскачивался у стенки, она не решалась перескочить с палубы на берег, и он очень своевременно очутился с ней рядом...

Татьяна Петровна шла в книжный коллектор, и мичману оказалось как раз по пути с ней. Говорили о книгах, о политике, о предстоящем походе... Может быть, посторонним слушателям представился бы не очень интересным этот обычный, обрывочный разговор, но для Агеева он был наполнен огромной прелестью, глубоким, замечательным смыслом.

Красота какая кругом! – сказала, проходя по высокой набережной, Таня. Они поднялись из порта в город, откуда видны далекий голубеющий рейд, белые надстройки кораблей, паруса на горизонте.

Я, Сергей Никитич, кажется, больше всего на свете море люблю!

С вашим сердцем и не полюбить моря! – Он шагал с ней совсем рядом, приноровив свой широкий шаг к ее легкой походке. Счастливое, светлое чувство внутренней близости с этой девушкой все больше охватывало его.

– Что вы знаете о моем сердце, Сергей Никитич! – Она

вдруг остановилась, с задумчивой улыбкой протянула руку. – Совсем я заговорила с вами. За книгами как бы не опоздать.

И, коснувшись ее руки, Агеев почувствовал – должен сейчас же высказать свои сокровенные мысли. Подался вперед, взглянул ей прямо в глаза.

– Давно хотел я вам сказать, Татьяна Петровна... Ее милое смуглое лицо внезапно стало напряженным, тревожным, но он уже не мог остановиться.

Знакомы мы всего без году неделя, а как будто знаю вас много лет... Такой девушки в жизни я не встречал...

Не нужно, не говорите, – вырвалось у Тани. Мягко, но решительно она высвободила руку, пальцы мичмана скользнули по желтеющему на загорелой коже тоненькому, похожему на обручальное, кольцу.

Она подняла голову, улыбнулась какой-то неполной, взволнованной улыбкой.

– Для меня радость быть вашим другом, поверьте... Мы ведь всегда останемся с вами друзьями? – торопливо добавила Таня, наверное заметив, как потемнел, насупился ее спутник.

– Есть, остаться друзьями! – отрывисто сказал он тогда, приложив пальцы к фуражке.

Вот и весь разговор. И они не встречались с тех пор. «Для меня радость быть вашим другом, поверьте»... И на пальце – тоненькое золотое кольцо. Что же, оно необязательно долж-

но быть обручальным. Не часто носят теперь обручальные кольца...

– Сдавай вахту, – поднявшись на мостик «Прончищева», сказал Жукову Фролов.

– Ну, как у тебя там? Не подавала она позывных? Но Жуков промолчал, может быть, не расслышал, склоняясь над сигнальными книгами, перекидывая через голову ремешок передаваемого Фролову бинокля...

Совсем ведь недавно, переходя с «Ревущего» на док, расстался с Клавой как с родной – потому что твердо обещал демобилизоваться, уйти с кораблей. А потом смертельно затосковал, понял – обещал несбыточное, не может расстаться с морем. Вновь бросился к ней – сказать все как есть – и никогда не забудет, какой яростной злобой налились любимые глаза. «Если так – кончено у нас все с тобой!» – сказала как отрезала – отчужденно и грубо.

Даже сам себе боялся дать отчет Жуков, как плохи, как безнадежно плохи стали вдруг его отношения с Клавой. А в глубине сознания теплилась мысль – если все же настоит на своем, поставит ее перед фактом – может быть, наладится жизнь. Ведь, в конце концов, его одного любит эта непонятная Клава! И если честно предложить ей теперь же оформиться в загсе...

Глава четвертая

Дом в переулке

Ресторан «Балтика» в этот сравнительно ранний вечерний час был еще далеко не заполнен.

Еще пустовала высокая позолоченная вышка для оркестра, возле которой закружатся позже, вяло покачиваясь, огибая шумные столики, танцующие пары. Сейчас, вместо оркестра, гремела в углу вишнево-красная, поцарапанная радиолоа. За столиками, покрытыми не первой свежести скатертями, выпивали и закусывали десятка два постоянных посе-

тителей ресторана.

Из полураскрытых окон и распахнутых на террасу створчатых застекленных дверей проникал в зал свежий морской воздух, рассеивая не слишком еще плотный табачный дым и жирно-сладкие запахи кухни.

И несколько молоденьких официанток в цветных кокетливых платьях, с маленькими фартучками, с большими металлическими подносами, прислоненными к стульям, как щиты, отдыхали в ожидании предстоящей вскоре напряженной работы. Они присели у столика возле кассы, перед входом на кухню, вполголоса переговаривались, не спешили откликаться на голоса нетерпеливых клиентов.

Клава Шубина вышла из зала на балкон, смотрела на протянувшуюся вдаль цепочку еще не зажженных, молочно-белых уличных фонарей, похожих на маленькие мертвые луны. В черном зеркальном глянце дверного стекла видела смутное отражение своего лица – издали такого хорошенького и молодого, с трогательно приоткрытыми, тонко очерченными губами.

И Клаве вдруг захотелось никогда не уходить с этого балкона, всегда стоять вот так, глядя в сумеречную даль, отражаясь в зеркальной черни, откуда смотрит на нее какая-то другая – гордая, красивая, ни от кого не зависящая, ничего не боящая Клава. Или уехать бы, наконец, куда-то далеко-далеко, забыть весь этот ужас последних месяцев, избавиться от страшного напряжения, из-за которого все время

что-то мелко-мелко дрожит в глубине, у самого сердца...

– Девушка! – донесся голос из зала.

Она вздрогнула, встрепенулась. Зовут с ее столика, уже, видно, не в первый раз. Слишком задумалась под эти хрипловатые, вкрадчивые звуки льющегося из радиолы фокстрота.

Она пошла своей обычной походкой – стремительно и плавно, покачивая подносом. Оглядывала столики, смотрела открыто, весело, с немного вызывающей, что-то обещающей, неоднократно проверенной перед зеркалом улыбкой.

Нет, ей показалось... Это позвал не тот... Тот ушел, не должен вернуться сегодня... Да и никогда не окликает он ее сам, всегда ждет, когда она подойдет без зова...

Молодой паренек, недавно заказавший сто грамм и пиво, смотрел посоловевшими, просительными глазами. Волосы ниже ушей, крошечным узелком затянутый пестрый галстук... Она хорошо знала этих молокососов, приходящих в ресторан с видом победителей и раскисающих после второго стакана пива с прицепом...

– Я вас слушаю, – сказала, останавливаясь перед столиком, Клава.

– Выпьем, девушка, за общественное питание! Ему, конечно, кажется, что сказал что-то. очень остроумное, что это путь завязать знакомство! Может быть, пропивает свою первую зарплату, может быть, выпросил у матери деньги на что-нибудь нужное, а сам прибежал сюда... Вот приподнял-

ся, держа в хлипких пальцах полную до краев стопку.

Наши официантки с клиентами не пьют! – Она ответила вежливо, сдерживая отвращение и злость, даже нашла в себе силу сохранить на губах кокетливую улыбку. Да, парень здорово раскис... Грациозным движением вынула из карманчика фартука маленький блокнотик. – Может быть, рассчита- емся, гражданин?

Успеем рассчитаться... – Он тяжело плюхнулся на стул, плеснула водка, оставляя на скатерти серое большое пятно. – Эх, девушка, душевной теплоты в вас не вижу...

Но она уже забыла про него. Шла по залу, заботливо осматривая свои столики, все ли в порядке.

– Клава, к телефону, – дружески окликнула ее полная кур- чавая официантка Настя, спешившая мимо с подносом.

Жуков стоял в будке уличного автомата. Нетерпеливо ждал, прижав трубку к уху, сжимая под мышкой аккуратный бумажный сверток.

– Клавочка? Леонид говорит! Здравствуй!

– А, это ты... – голос Клавы звучал сухо, почти враждебно, и Жуков сильнее стиснул рубчатый держатель трубки влаж- ной от волнения рукой. – Сказала я тебе – кончено у, нас все.

– Я, Клава, еще раз поговорить пришел. Важная есть но- вость.

Ему показалось, что она задышала быстрее.

– Какая там еще новость?

– По телефону не скажу. Повидаться нужно. Она молчала.

– Повидаться нужно сейчас, – настойчиво повторил Леонид.

Ее голос звучал теперь немного ласковей, мягче.

– Завтра приходи... В это время... Сегодня не могу.

– Завтра я, Клабочка, не получу увольнения. Снова молчание. Поет в трубке музыка, звучат невнятные голоса, потрескивает качающийся шнур.

– Сказано – не могу. Занята я до поздней ночи... Но он чувствовал – она колебалась, ей хочется скорей узнать, что это за важная новость.

Отпросись. Все равно – пока не придешь, ждать буду у твоего дома.

К ресторану подойди, выбегу к тебе...

Ждать буду у твоего дома! – настойчиво повторил Жуков.

Она знала, что Леонид настоит на своем. Взглянула на стрелки часиков у запястья. Что ж, время еще есть... И очень важно узнать – что это за новость такая...

– Ладно, сейчас приду, – отрывисто бросила Шубина в трубку...

Жуков только еще приготовился было ждать, прохаживаясь у сводчатых, старинной кладки ворот в глубине узкого переуллка, когда из-за поворота показалась Клава, деловито, словно не замечая его, направилась к дому.

Леонид бросился к ней. Не поздоровалась, не подала руки.

Ну, говори – в чем дело?

А разве к тебе не зайдем?

Некогда мне.

– Хоть на минутку! На улице говорить не буду. Молча она вынула из сумочки ключ. Свернула в ворота, остановилась под аркой, отперла низкую, покрытую облупившейся краской дверь, рядом с тщательно, как всегда, занавешенным окном.

Она пропустила Жукова вперед, в пахнувший духами и сыростью полумрак. Щелкнула выключателем, машинально оправила покрывало на кровати, не садясь, не снимая шляпки, вопросительно смотрела на Леонида.

Он подошел к столу, бодро извлек из пакета бутылку портвейна, банку мясных консервов, поджаристый, свежий батон. Складным ножом, вынутым из кармана брюк, начал открывать консервы – вкусно запахло мясом, сдобренным лавровым листом. Не в первый раз приходил он так, с угощением, к Клаве... Правда, говорит, что торопится, но обстановка покажет...

– Напрасно стараешься, – презрительно, вызывающе сказала она.

Леонид оставил банку полувскрытой, стремительно шагнул к ней.

– Да не сердись ты... Отпраздновать хочу с тобой вместе...

Привлек ее к себе – слабо сопротивлявшуюся, смотревшую ждущими, увлажненными глазами. Прижался горячим

ртом к уклончивым мягким губам.

Я, Клавочка, нынче большое дело сделал.

Решил, значит? Уедем отсюда? – Она смотрела недоверчиво, с тоскливой надеждой.

На флоте остаюсь. Рапорт подал сегодня... Ты послушай, все тебе объясню... Хочешь – пойдем хоть сегодня в загс – закрепить это дело.

Она вырвалась, отступила. Всматривалась, словно еще не поняв.

Шутишь, Леня?

Нет, Клавочка, не шучу. – Сказал это спокойно, твердо, хотел снова обнять, но она отступила еще дальше.

Я душой с морем сросся, с флотом сроднился навсегда. Пойми – не могу я с кораблями расстаться. Но и без тебя мне тоже не жизнь.

Уходи! – вскрикнула Клава.

И вдруг надломилась, припала к нему сама, боль и тоска захлестнули голос.

– Ленечка, в последний раз Христом-богом молю, уедем отсюда! Ты свое отслужил, вышел твой срок.

Я работать буду, хорошей, верной буду тебе женой... Только уедем! Пожалей ты меня. Больше сил нет здесь жить. Наденешь гражданское, Леня, возьмешь билеты на поезд – поженимся в тот же день...

– Я с кораблей уйти не могу. Последнее мое слово, – глухо, с непреклонной твердостью сказал Жуков.

Она грубо вырвалась, хотела ударить с размаху, он едва успел защитить лицо.

Убирайся! Видеть тебя не хочу! Мальчишка, нищий матрос!

Ты пойми, Клава...

Ненавижу! – Она оперлась руками о стол, ее голос звучал теперь ядовитой насмешкой. – Я другого найду, не такого, как ты, настоящего мужа.

Обида, ревность охватили его.

Может быть, у тебя еще кто есть и теперь? – Не узнавал своего голоса, не заметил, как очутился в кулаке схваченный со стола нож. – Тогда смотри, Клавка!

Не твоя это печаль! Убирайся! – Надвигалась – обезумевшая, постаревшая, злая. Бросил нож на стол, шагнул к двери.

И уйду! И никогда не вернусь к тебе больше!

Рывком распахнул наружную дверь, с силой захлопнул. Не видел, как, оставшись одна, Клава пошатнулась, припала лицом к скатерти, залилась сердце надрывающим плачем... А потом подняла голову, взглянула на часы и бросилась к зеркалу на стене, привычными движениями стала припудривать мокрое от слез лицо...

Темнело, зажигались редкие фонари на улицах и на бульварах. Загорались там и здесь окна квартир, светились жидким золотом над брусчаткой улиц.

В ресторане «Балтика» громче играла музыка, резче и нестройней звучали голоса, слышался звон посуды через

раскрытые окна...

Издали доносился неумолчный гул порта, гудки паровозов, сирены заполнивших рейд кораблей.

И растерянный, огорченный, блуждающий по улицам Жуков вдруг остановился, постоял неподвижно, зашагал решительно, быстро... Нет, нельзя было оставлять в таком состоянии Клаву... Что-то жалкое, незащитное было в ее прощальном, угрожающем крике... Еще сделает что-нибудь над собой... Но откуда это упорство, это настойчивое стремление заставить его поломать свою жизнь? Наверное, не так, как следует, объяснил он ей все, нужно было говорить мягче, убедительнее, не брать сразу на полную скорость.

Вернуться, посмотреть, как она себя чувствует... А может быть, ушла уже в ресторан, ведь говорила, что очень занята сегодня... Тогда – порядок... А может быть, спешила не в ресторан, кого-нибудь ждала к себе в гости... От одной этой мысли ему стало душно, еще больше ускорил размашистый шаг.

Еще успеет вовремя вернуться на док... Срок увольнительной истекает, но он не задержится у Клавы. Только посмотрит – все ли нормально, и тотчас побежит в порт...

Вернулся к такому знакомому, неприветливо смотрящему на него дому, вошел в ворота, дернул дверь. Заперто... Значит, ушла Клава... Но вдруг увидел: под плотной тканью занавески внизу окна – косая световая щелка. Значит, Клава дома... Никогда не уходит, не погасив в комнате свет.

Клава, открой! – постучав в дверь, крикнул просительно Жуков. Молчание. И как будто какой-то слабый звук изнутри. Он отчетливо чувствовал теперь: в комнате кто-то есть.

Клавочка! Я у тебя ножик забыл! Открой!

Он подождал. Подошел к окну. Пригнулся туда, откуда, из незавешенного уголка, пробивался слабый электрический свет.

Он всматривался всего лишь несколько мгновений. И никогда не мог вспомнить точно, что произошло дальше. Отдал себе отчет в том, что делает, только позже, когда бежал стремглав по неровной мостовой переулка – побледневший, потный от волнения, отчетливо слыша стук собственного, гулко колотящегося сердца.

Глава пятая

Семафор с «Прончищева»

– На флаг! – донесся с доковой башни протяжный голос дежурного офицера.

Агеев выпрямился и застыл, повернувшись к выходящему на башне флагу. Все бывшие на палубе вытянулись, приветствуя корабельное знамя. С мгновения, когда, за минуту до

захода солнца, подается эта команда, — военные моряки стоят неподвижно, повернувшись спинами к бортам, лицами к флагу, свято соблюдая морскую традицию.

Последние солнечные лучи окрашивали в пурпур и золото зеленоватую гладь рейда. Чуть шевелилась в своем вечном движении вода, замкнутая каменными гранями пирсов, белыми волноломами, смотрящими в открытое море.

Сильнее подул ветер с залива, колебля светлое полотнище с алым гербом. На мостиках боевых кораблей, рядом с сигнальщиками, горнисты подняли к губам начищенную медь горнов.

— Флаг спустить!

Звуки горнов торжественно и звонко полились над рейдом. Сигнальщики взялись за фалы, полотнища флагов сворачивались, заскользили вниз. С палуб кораблей доносились прозрачные звуки отбиваемых склянок. И сразу все снова задвигалось, пошло, зашпешило.

И младший штурман экспедиции лейтенант Игнатьев, возвращаясь в штурманскую рубку, торопливо вынул из кармана кителя остро отточенный карандаш и листок бумаги. По листку бежали стихотворные строки:

На Балтике июльский зной, Волна прибоя чуть качает, Белеют над голубизной Распластанные крылья чаек.

Игнатьев быстро приписал:

И волны, ударяясь в лаг, Поют опять про нашу славу, Про наш морской любимый флаг...

Лейтенант начал грызть карандаш. Рифма последней строки не давалась... «Славу – по праву – державу... Придумаю потом!» Он сунул листок в карман, вошел в рубку.

В штурманской рубке «Прончищева» было душно – несмотря на открытые иллюминаторы и распахнутую на мостик дверь. Курнаков расстегнул китель. Третий помощник капитана «Прончищева» Чижов бросил на диван свою синюю спецовку. Из-под вырезов розовой майки влажно блестели его потные плечи.

Кругом, тесно расположенные на рубочных переборках, навигационные приборы отливали сталью, медью, выпуклым и прямым стеклом.

Игнатьев встал у высокого прокладочного стола. Еще раз проверил разложенные по номерам на верхней полке длинные свитки путевых карт перехода.

Путевые карты? – спросил Курнаков.

В порядке!

Лейтенант чуть помедлил с ответом – не хватало карты района Большого Бельта. Но тотчас нашел ее, положил на нужное место.

Генеральные карты морей? – спросил Курнаков.

Здесь! – отозвался Игнатьев.

Данные о маяках и маячных огнях?

На месте, – сказал Чижов.

Сведения о количестве миль перехода, о солености воды в районах, которыми пойдем, выписаны для старшего меха-

ника?

Выписаны и переданы! — откликнулся Чижев.

— Хорошо, — сказал Курнаков, садясь на диван. Игнатьев с облегчением вздохнул. Молодой штурман впервые шел в заграничное плавание — волновался, не упустил ли чего-нибудь при подготовке штурманского хозяйства. Зато Чижев держался с подчеркнутым равнодушием, отчасти подражая капитану Потапову, отчасти потому, что не впервой было идти в дальнее плавание...

Так, товарищи, — сказал начальник штаба экспедиции Курнаков. — Как будто вся документация «на товсь». Теперь проверим приборы... Придется нам посидеть нынче подольше.

Да ведь еще завтрашний день... — откликнулся Чижев.

Приказ капитана первого ранга — все должно быть подготовлено сегодня.

Сколько наших людей уволено! — не сдавался Чижев. Все последние дни был занят штурманским хозяйством, хотел перед отплытием хоть разок сойти пораньше на берег. И вдруг опять неожиданная задержка.

Отпущены те, товарищ третий помощник, — взглянул на него Курнаков, — в ком нет прямой надобности при последних подготовительных работах.

Курнаков встал с дивана, застегнул китель, взял с полки фуражку.

— Выйдем, товарищи, проветримся несколько минут — и

за работу.

Смычки якорь-цепей были разложены широкими восьмерками вокруг кнехтов – вросших в палубу стальных закругленных тумб. Оставалось закончить разноску тросов. Снова боцман встал во главе шеренги моряков, указывал, как ловчее ухватиться, быстрее обнести вокруг кнехтов и закреплять стопорами гибкие металлические канаты...

Теперь окрасочные работы...

Сергей Никитич пересек палубу, подошел к стоящей на киль-блоках барже. Щербаков в распахнутой на груди спецовке красил, широко размахивая кистью, изъязвленный многими пробоинами и вмятинами борт.

Агеев остановился от него в двух шагах. Продолжая работать, Щербаков покосился на мичмана. Вот он – высокий, широкогрудый, с желтоватыми глазами под выступами тонких бровей. Такая жара, а главный боцман, как всегда, одет в тщательно застегнутый рабочий китель. Беловерхая фуражка слегка сдвинута на маленькое смуглое ухо.

– Ровней, ровней красить нужно, товарищ матрос, – сказал, помолчав, Агеев. – Так крыть, как вы кроете, матовые просветы останутся. Ну-ка, дайте!

Он взял у Щербакова кисть, осторожно и быстро погрузил в котелок, полный глянцевого черни. Ловко, с одинаковым нажимом, наложил на непокрашенный участок борта несколько слившихся одна с другой полос.

– Так кладите, чтобы второго слоя не потребовалось. Зна-

ете, чем красите? Каменноугольным лаком – его нам прямым курсом с Кузбасса привозят, почитай через весь Союз. Народное имущество разбазаривать нельзя.

Он отдал кисть Щербакову.

– Краску растирать крепче нужно! Кисти, так сказать, не жалеть... Трудитесь, как всегда, на «отлично»!

Он перешел к Мосину, работавшему у другого борта баржи.

Матрос вяло счищал старую, облупившуюся краску, бугристые наслоения ракушек и морской соли, въевшиеся в днище.

А вы, Мосин, не жалейте скребка, его и поточить недолго, – сказал Агеев. – Иная ракушка так вцепится в киль... Плохо отчистите металл – краска не будет ложиться.

А что ей ложиться! – Матрос опустил скребок, сердито смахнул заливавший глаза пот. – Куда нам эта старая калоша! Вот уж точно – выкрасить да выбросить. А тут корпи над ней!

Во-первых, встаньте, как положено, матрос Мосин, когда отвечаете старшим по званию! – строго сказал мичман. Мосин подтянулся. Несколько секунд Агеев не сводил с него укоризненного взгляда. – Выкрасить да выбросить! Мастак вы, похоже, казенным добром бросаться! – Он взял скребок, плавными, размашистыми движениями стал очищать металл. – Верно, баржа эта, старушка, хорошо послужила! – почти с нежностью, как о живом, хорошем человеке, сказал

мичман. — Но поплавает еще не один год, если не будем ее за старую калошу считать. Не ожидал я от вас, Мосин, такого разговора!

Скребок летал под рукой главного боцмана как птица.

Конечно, подремонтировать эти баржи следует — раны войны залечить. В таком виде их только и можно что камнями набить, якорь-цепи к ним принайтовить и затопить как вечные якоря. А все же подумайте, зачем красим их, как заправские корабли?

Перед Европой покрасоваться, что ли, хотим? — буркнул Мосин. — Будем в чужие порты заходить, нехорошо, что на борту ржавые развальнюги. — Он протянул руку к скребку. — Да уж дайте, товарищ главный боцман, закончить.

Но главный боцман не отдавал скребка.

— Для себя это делаем, не для Европы, пойми! Русский человек во всем порядок любит. А вы матрос боцманской команды, хозяин корабля. Вас тоска должна грызть, если каждая задрайка не блестит на борту. Образцовый корабль — вот в чем сейчас ваша матросская слава.

Он отдал наконец Мосину скребок, с минуту наблюдал, как тот принялся с новой энергией за работу. Потом снова подошел к Щербакову.

— Ну, вот и лучше у вас пошло!

Щербаков вспыхнул от удовольствия. Все знали, как скуп на похвалы мичман Агеев.

Сергей Никитич вновь пересек палубу, пристрастным

взглядом озирая свое хозяйство. Скоро – в море. Ничего не должно быть упущено перед таким серьезным походом.

На черном борту второй, уже окрашенной заново баржи, поджав под себя ноги, сидел водолаз Коркин. Он был в одних трусах. В руках Коркин держал медный, глазастый, похожий на отрубленную гигантскую голову шлем, протирал сухой ветошью стекло.

– Отдохнуть бы пора, товарищ мичман. После обеда не отдыхали нынче. В кубрике у нас прохладно.

– В плавании отдохнем, – сказал Сергей Никитич. Молодой водолаз Пушкив ремонтировал порванную водолазную рубаху. Костюм из толстой зеленоватой резины лежал, свесив через борт одну из перчаток.

Вчера, спускаясь под воду, Пушкив порвал рубаху о выступающий острый край докового понтона. В скафандр просочилась вода. Пушкив растерялся, задергал шланг-сигнал. Водолаз-инструктор Костиков вовремя пришел ему на помощь, вода так и не проникла в шлем. Сейчас Костиков возился на стапель-палубе дока – проверял работу недавно доставленной для экспедиции помпы.

– Там книжечка у вас интересная на рундуке, товарищ мичман, – крикнул Коркин. – Почитать взять не разрешите?

– Не могу, – отрывисто сказал Агеев. – В библиотеке ледокола возьмите – не сегодня-завтра менять эту книгу буду...

Он зашагал дальше – туда, где под руководством Ромашкина матросы обносили вокруг кнехта очередной, тяжело

грохочущий трос.

Хорошо, чисто работает Ромашкин, славный из него получится боцман... Все на месте, нормально заканчивается подготовка к походу...

И все же что-то казалось несделанным, незавершенным. Агеев остановился у борта, провел рукой по лицу.

Какое-то неясное беспокойство не покидало душу. Старался разобраться в причинах этого беспокойства и вдруг понял – сегодня не мог повидаться с ней, обменять прочитанную книгу. «Неужели из-за этого душа не на месте?» – усмехнулся боцман.

Только что, в перерыве между работой, он успел таки сходить на шлюпке на ледокол, но библиотека оказалась закрытой, не было Ракитиной и в каюте.

«Ладно, завтра повидаюсь», – повторил про себя мичман.

Ясное дело, захлопоталась Татьяна Петровна, сегодня опять должна была отправиться в коллектор. Странно, что забыл об этом, разлетевшись в библиотеку с книжкой!

У нее своя жизнь, у него своя... И все-таки непрестанно думал о ней, непонятно расстроился, найдя закрытой дверь библиотеки на ледоколе.

– Что к огню ближе, то жарче. Что к сердцу ближе, то больнее, – стоя на палубе дока, сам себе сказал мичман Агеев.

У фок-мачты по широкому деревянному мостику «Прончищева» шагал взад и вперед Фролов.

На ледоколе шла обычная вечерняя жизнь. Матросы кон-

чили погрузку, толпились на юте, прикуривая друг у друга. Из тамбура вышел кок Уточкин, его лицо казалось раскаленным от жара плиты. Он стоял, прислонившись к фальшборту, вдыхая поднимающуюся от воды прохладу...

Темнело. Там и здесь на берегу зажигались огни. «Не Леонид ли идет? – подумал Фролов, смотря в сторону городских улиц. Должен бы вернуться давно, к спуску флага, а скоро уже вечерняя поверка. – Загулял сегодня парень. Работает хорошо, но каждый день к вечеру томится, а сегодня вот получил увольнительную и загулял... Точно, Ленька!»

Леонид очень торопился. Бескозырка сбилась на затылок, прядь смоляных жестких волос прилипла к потному лбу. Жуков делал огромные шаги, почти бежал к сходням ледокола.

Выражение растерянности, чуть ли не испуга было на его необычно бледном лице.

Жуков стремительно подошел к сходням.

– Капитан третьего ранга на корабле? – донесся его голос до Фролова.

– На корабле! – ответил дежурный у трапа. «Так», – подумал Фролов. Сердце начало биться сильнее, трудно было устоять здесь, на мостике, когда что-то, по-видимому, стряслось с Леонидом.

Всего несколько суток прошло, как, заняв койку рядом с койкой Фролова, поселился в кубрике «Прончищева» этот вновь назначенный в экспедицию сигнальщик. Но то ли сра-

зу пришлось по душе Жукову веселый прямодушный Фролов, то ли много общего нашли они в своих судьбах – сигнальщиков, боевых моряков, – но мало-помалу полностью посвятил Леонид нового друга в свои сердечные тайны.

В синем свете забранных сетками фонарей, когда кругом уже крепко спали матросы, застенчивым шепотом рассказывал Жуков Фролову о девушке на берегу, о колебаниях и спорах, об окончательно принятом решении объясниться с ней в последний раз, поставить ее перед фактом...

«Значит, какой-то не тот разговор получился!» – думал беспокойно Фролов.

На мостик взбежал рассыльный, взмахнул розовым листом.

– Сейчас же передайте на док!

На листке торопливым почерком капитана третьего ранга Андросова было написано всего несколько слов. Приказ мичману Агееву немедленно прибыть в каюту капитана третьего ранга на высылаемой с «Прончищева» шлюпке.

Выватив из клеенчатого футляра цветные флажки, Фролов взмахнул ими в сторону дока.

И на доковой башне вахтенный сигнальщик поднял руки с флажками, стал принимать семафор.

От борта «Прончищева» отошла шлюпка-шестерка. Весла, разом вздымаясь над водой, взблескивали, как длинные полосы зеркал.

...На доке закончилась работа. В углу стапель-палубы

звонко стучала по металлу прохладная душевая вода. Матросы вбегали под душ, одевались освеженные, рассаживались на пахучих бревнах вокруг главного боцмана. Приняв душ и быстро одевшись, Щербаков подсел к мичману поближе.

Похоже – и завтра хорошая погода будет, – сказал Агеев. – Видели, как небо на закате розовым отдавало? Розовый цвет при закате – будет ведро.

А если небо в зелень ударит, товарищ мичман? – с очень серьезным видом спросил Мосин. Ждал ответа явно озабоченно, лишь в глубине его озорных карих глаз теплился насмешливый блеск.

Зеленый цвет в небе, когда солнышко заходит, – значит, на завтра жди ветра и дождя, – так же серьезно откликнулся Агеев. Прищурившись, глянул на Мосина. – А знаете, как угадать, куда ветер повернуть должен? С какой стороны неба звездные лучи протянутся длинней – оттуда ветра и жди.

Он вынул не спеша из кармана свою наборную трубочку и кожаный кисет с табаком.

Щербаков вспомнил рассказ Ромашкина об агеевской трубке. И точно – множество отчетливых, мелких зарубок со всех сторон покрывало мундштук... Главный боцман не спускал с Мосина глаз.

– Вам, товарищ матрос, это, похоже, смешно, а по таким вот приметам папаша мой, помор, частенько решал, выходить ли завтра в море на лов – и никогда не ошибался. По та-

ким приметам предки наши в океане ходили в давние времена, когда, кроме самодельного компаса – «маткой» его звали, – и мореходных приборов еще у них не было никаких... С давних пор народ наш на море хозяин... Почему, к слову сказать, у ледокола имя «Прончищев»? Кто он такой был – Прончищев? Ну-ка, ответьте!

Матросы, переглядываясь, молчали.

– Эх, орлы, любознательности в вас маловато, – вздохнул главный боцман. – А вот мне Татьяна Петровна интересную книжку дала почитать – о русских полярных плаваниях.

Мичман минутку помолчал.

– Был Василий Прончищев моряком русского военного флота. Из тех, которые еще тому назад два века с гаком, не щадя здоровья и жизни, на малых своих кораблях открывали новые морские пути, дальневосточные берега изучали. Лейтенант Василий Прончищев на дубель-шлюпе до Таймырского полуострова пробился сквозь льды.

Агеев не спеша набивал трубочку табаком. Снова заговорил с большим чувством.

– Шла с ним в плавание его супруга – Мария Прончищева, первая женщина – участница полярных экспедиций. Погиб лейтенант от великих трудностей похода, а через несколько дней и Мария Прончищева скончалась. Крест, на их могиле поставленный, до сих пор виден у выхода в океан. А командование дубельшлюпом принял подштурман Семен Челюскин... О Челюскине-то, поди, все слышали?

Он глубоко, с наслаждением затаился.

– Не зря стали мы великой морской державой. Вот, может, слышали – хвастают англичане: дескать, Британия – владычица морей. А эта владычица морей вся чуть поменьше нашей Мурманской области. Советский Союз – вот это подлинно морской владыко. Ну-ка, Щербаков, сколько морей вокруг нашей родины легло?

Щербаков застенчиво молчал.

Четырнадцать морей! – быстро сказал юркий матрос Афанасьев.

Четырнадцать морей! – с чувством повторил мичман. – И есть у нас прямой выход к трем океанам. И во всех этих морях-океанах стоим на вахте мы, русские моряки, охраняем мир во всем мире. Вот перегоним на север док в помощь гражданскому флоту, еще больше мир укрепим. Потому – настоящий мир там, где Советская власть твердой ногой встала.

Щербаков придвинулся к мичману еще ближе. Настало время выяснить тревожащий вопрос.

Товарищ мичман! А вот если льдами нас затрет – как выbirаться будем?

Почему льдами? – удивленно взглянул Агеев.

А вот ледокол с нами идет... И за Полярный круг... – Щербаков совсем засмутился под пристальным взглядом боцмана, услышал за спиной чей-то смешок. «Эх, опять разыграли матросы!»

Что ледокол нас потянет – так, думаете, пробивать льды будем? Опять, видно, Мосин вас разыграл?

Сергей Никитич повернулся к хихикающему Мосину.

– А ну-ка, ответьте вы сами – почему ледокол нас поведет, если никаких льдов на пути нет? Ледокол все ж таки, а не простой буксир?

Он смотрел в упор светлыми, играющими рыжими крапинками глазами, и самоуверенный здоровяк Мосин почувствовал себя под этим взглядом маленьким и слабым. И точно – вдумываясь сейчас, не мог найти причины, почему именно ледокол будет буксировать док.

– Потому что машины на нем большой тяговой силы – вот и загадка вся, – сказал Сергей Никитич. – Знаете, какая тяговая сила должна быть на крюке при буксировке дока? У трех буксирных кораблей, вместе взятых, не найдешь такой силы, которую один ледокол даст.

Мосин насупясь молчал. Снова осадил его этот спокойный, все замечающий мичман!

Был у нас такой боцман, – отвернувшись, будто сам себе, сказал вполголоса Мосин. – Глаза, случалось, выкатит – один смех! «Боцман шары на стоп» матросы его звали. Слишком много о себе понимал. Бывало, любил говорить: если велю вам за борт прыгнуть – не узнавайте зачем, только спросите – с правого или с левого борта скакать.

Хотите сказать, что и я вроде него? – чуть улыбнулся Агеев. Мосин ехидно молчал. – Нет, товарищ матрос, уж если

прикажу вам в воду идти – поздно будет любые вопросы задавать. Сами поймете, с какого борта прыгать. Боевая обстановка покажет.

По крутому трапу сбегал рассыльный.

– Товарищ главный боцман! – кричал он, еще не вступив на пересеченные тросами и якорь-цепями понтоны.

Агеев повернул к нему голову, ждал.

– Товарищ мичман! Семафор с «Прончищева». Немедленно прибыть вам туда. Шлюпка выслана.

Агеев встал, упругой своей походкой зашагал к барже, где жил вместе с водолазами. Вскрабкался на борт баржи по шторм-трапу. Несколько минут спустя снова спрыгнул на палубу дока: уже одетый по-выходному, в новом кителе, в тщательно вычищенных ботинках. В руке он держал потрепанную библиотечную книгу.

– Что-то повадился наш мичман в библиотеку на ледокол ходить, – сказал один из матросов.

К носовой части дока уже швартовалась пришедшая с ледокола шлюпка.

Глава шестая Что рассказал Жуков

ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ФИЛЬМ

Капитан третьего ранга Андросов сидел в кресле перед нешироким письменным столом, загроможденным книгами и бумагами.

Иллюминатор над столом был задернут бархатной портьеркой, каюту освещал белый свет потолочного плафона. Эту каюту помощника командира по политической части Андросов занимал один – хозяин каюты заболел в трудном ледовом походе, сейчас уехал в отпуск, на юг...

В углу узкого диванчика, наискосок сидел Леонид Жуков. На его будто сразу повзрослевшем за этот вечер лице было то самое выражение растерянности, горестного недоумения, которое подметил Фролов.

В мягком электрическом свете очень нарядной и свежей казалась белая форменка Жукова, празднично блестели золотые буквы бескозырки у него на коленях.

– Плохо, товарищ Жуков, совсем нехорошо, – говорил Андросов. В его обычно дружески-мягком голосе прозвучало негодование. – Как же так – впутаться в подобное дело?

– А кто ж его знал, что такое дело выйдет! – сказал Жуков напряженно-тоскливо. – Кто же знал, товарищ капитан третьего ранга, – как будто прислушиваясь сам к себе, повторил он.

– Но ведь вы по существу почти порвали с ней отношения?

– Она со мной порвала. Еще когда я с эсминца сюда не перешел. А потом передумала, что ли.

– Вы давно знаете эту гражданку, товарищ Жуков?

– Не так чтобы очень давно... – Он провел рукой по жестким волосам. – А теперь так тяжело, беспокойно. Казалось, любит она меня. А тут такое дело... И я, вместо того чтобы дожидаться, узнать, что с ней, на корабль подался.

Андросов с упреком смотрел на него.

– А вас не беспокоит другое? Вам не приходит в голову, что могли замарать высокое звание советского военного моряка?

– Не виноват я здесь ни в чем, товарищ капитан третьего ранга...

Жуков был в каюте уже давно, но дышал, как после быстрого бега. Снова нервно провел ладонью по волосам.

– То, что вы вернулись на корабль, – совершенно правильно, поскольку вас оттуда отпустили, а там вы все равно ничем не могли помочь...

Андросов говорил, как будто думая о чем-то другом, его пухлые пальцы крутили карандаш.

– Подумайте, такое дело накануне похода!.. Кстати, вы не говорили этой гражданке, что послезавтра уходим в море?

– Нет, не говорил, – вскинул Жуков глаза. – А точно послезавтра уходим?

– Возможно... – Андросов оборвал его, отложил карандаш. В дверь негромко постучали. – Войдите! – сказал Андросов.

Агеев вошел и остановился в обычной своей спокой-

но-выжидательной позе, держа фуражку и книгу в руках.

– Товарищ капитан третьего ранга! Мичман Агеев по вашему приказанию прибыл.

– Садитесь, мичман!

Андросов кивнул на диван, Жуков посторонился. Боцман неторопливо повесил фуражку у двери, сел, не выпуская книгу из рук.

– Завязалось тут одно пакостное дело, – сказал Андросов.

Агеев ждал, положив на колени темные, покрытые застарелыми шрамами руки.

– Меня просили познакомить с этим делом вас, – продолжал Андросов.

Жуков смотрел вниз – хмурый, замкнутый. «Уж, верно, не ты просил», – мельком подумал, взглянув на него, Агеев.

– Думаю, что и комсомолец Жуков не будет возражать, чтобы секретарь парторганизации дока был в курсе этого дела! – сказал с ударением Андросов. – Так вот – подытожим факты. Несколько времени назад, еще служа на эсминце, сигнальщик нашей экспедиции Жуков познакомился с некоей гражданкой Шубиной. Это не было, насколько я понял из ваших слов, Жуков, очень счастливое знакомство... Одним из первых требований, которые Шубина предъявила вам, было требование изменить принятое вами раньше решение; она настаивала, чтобы вы не оставались на сверхсрочную службу.

Упорно глядя на палубу, Жуков сидел неподвижно.

– Под влиянием Шубиной комсомолец Жуков изменил

свои планы на будущее, – продолжал Андросов. – Благодаря этому была восстановлена их дружба. Но в последние дни отношения его с Шубиной, как он мне сообщил, резко ухудшились, дошли до полного разрыва.

Агеев шевельнулся. Ясно вспомнилась встреча с матросом на пирсе, багровое пятнышко у него на щеке, под ухом... Но боцман промолчал.

Товарищ Жуков подал сегодня начальнику экспедиции рапорт об оставлении на сверхсрочную службу, – продолжал Андросов. – Вместе с тем он решил поставить об этом в известность Шубину. Попросив увольнение на берег, Жуков имел с ней решительный разговор... Кстати, товарищ Жуков, у вас не создалось впечатления, что она все же знает о сроке нашего выхода в море?

А может быть, и знала... – неожиданно откликнулся Жуков.

– Откуда? – резко спросил Андросов.

А кто их разберет, откуда эти девушки все знают. Слышал я о таком корабле – когда б он в море ни уходил, всегда прибегали к пирсу девчата. На корабле тайна, а на берегу, бывало, когда шел тот корабль в боевой поход, каждая собака знала. В кубриках говорят: «Это матросский телеграф работает».

Дорого мог нам этот телеграф обойтись... Сами то вы не пользовались таким телеграфом?

Никогда я на берегу о корабельных делах не говорил, –

сказал Жуков твердо, вскинув блестящие, немного запавшие глаза. И вдруг весь задвигался, взглянул, всем телом обернувшись, на круглые часы над диваном.

Позвонить бы туда, о Шубиной узнать...

Терпение, позвоним... Итак, после крупного разговора с Шубиной вы долго бродили по улицам, потом решили зайти к ней снова. Дверь в комнату Шубиной была заперта, никто не откликнулся... Больше никого не оставалось в квартире?

А там больше никто и не живет. Одна комната это, в проходе ворот, дворник ее занимал раньше... А когда дворник себе получше комнатку подыскал, Клава... Шубина... там поселилась...

– Расскажите мичману, что произошло дальше. Жуков, собираясь с мыслями, помолчал.

– Так вот, стучу – молчок. А все-таки подумалось, что в комнате кто-то есть.

– Подожди, парень, ты почему так подумал? – вдруг вмешался Агеев. – Не отвечает – стало быть, дело ясное, дома ее нет.

Жуков взглянул на него, будто проснувшись. Он слишком ушел в свой рассказ, в воспоминание о пережитом. Как будто даже не понял вопроса.

Словно меня что-то в сердце толкнуло. Словно бы позывные изнутри услышал. Нагнулся, глянул под занавеску. Вижу – рука.

– Рука? – переспросил боцман.

Товарищ Жуков увидел через окно на полу комнаты неподвижную руку мужчины, – пояснил Андросов. – Он стал стучаться – безрезультатно. Он бросился на улицу, встретил комендантский патруль, вернулся с ним в квартиру. Дверь оказалась отпертой, даже полуоткрытой, на полу лежал гражданин, убитый ударом ножа.

– Точно, – шепотом произнес Жуков. Он слушал это краткое изложение своего рассказа в таком волнении, что побелели суставы его сплетенных пальцев.

До прихода следователя Жукова задержали, но поскольку, по-видимому, его непричастность к делу оказалась явной, следователь, снявший с него показания, отпустил его на корабль. За это время гражданка Шубина дома так и не появлялась.

– Стало быть, один вы были при обнаружении тела, пока за патрулем не побежали? – спросил Агеев.

Стало быть, один...

– Нехорошо выходит, – сказал Агеев.

Товарищ капитан третьего ранга! – начал Жуков и замолчал. Зазвонил телефон над столом. Андросов взял трубку.

Слушает Андросов... – Жуков не сводил с его лица нетерпеливого, горького взгляда. Казалось, какие-то невысказанные слова огромной тяжестью давят на сердце, не могут сорваться с губ.

Есть! Будет исполнено, товарищ капитан первого ранга, – сказал Андросов. Приподнялся, вложил телефонную трубку

в плотный зажим. — Хотите что-то сказать, товарищ Жуков?

Разрешите доложить... — Жуков снова осекся, но пересилил себя, вскинул запавшие еще глубже глаза. — То, чего следователю я не сказал... Нож этот... Которым тот гражданин зарезан... Он мой...

— Ваш нож? — глядел на него Андросов. Агеев сидел рядом с Жуковым неподвижно.

— Так точно... Забыл я его сегодня у Шубиной, когда консервы открывал... А потом вижу — весь в крови рядом с убитым лежит... Мой ножик.

— И вы это от следователя утаили!

Жуков кивнул с несчастным, страдальческим выражением лица. Порывисто поднялся с дивана. Полная тишина была в каюте. Наконец Андросов заговорил:

— Сейчас же идите, сообщите следователю то, что не решились сообщить сразу. Больше ничего не имеете сказать мне?

— Больше ничего не имею... — Жуков стоял бледный, вытянув руки по швам.

— Подождите на верхней палубе. Вам выпишут увольнительную.

Повернувшись по-строевому, Жуков вышел из каюты.

— Хуже не придумаешь, — сказал, помолчав, Андросов. — Перед походом — такая мерзость... Эк она его забрала. А сперва говорил ведь в том смысле, что, дескать, она ему чуть ли не безразлична.

Матросу девушка никогда не безразлична, – улыбнулся боцман, и эта открытая, почти застенчивая улыбка сразу осветила его лицо. – А что совсем он с ней голову потерял – это факт. Видели, товарищ капитан третьего ранга, глядел он на корабельные часы, а про собственные, наручные, забыл.

– Нет, я не заметил... – рассеянно сказал Андросов. – Так вот, мичман, придется вам тоже туда сходить, помочь разобраться.

Круглое, отливающее медным гляncем лицо боцмана снова стало угрюмым.

Разрешите доложить – у меня на доке еще дела карман. Если завтра швартоваться к ледоколу будем с утра, мне сейчас отлучиться никак невозможно.

– Ну-ну, хозяйство ваше в порядке, не вам говорить, не мне слушать, – перебил Андросов. – Другому рассказывайте, а не мне: я сегодня на доке был... Нужно сходить туда, мичман. Начальник экспедиции приказал послать вас. Только что мне звонил об этом.

– С чего бы это непременно меня?

Значит, есть основание. – Андросов невесело усмехнулся. – Не скромничайте, Сергей Никитич, я вам вашу собственную пословицу напому: «Волной море колышет, молвою – народ». Помнит флот о ваших разведческих подвигах, о проницательности вашей. Поговорите со следователем, выясните – в чем там Жуков замешан... Еще эта история с ножом... Нужно помочь следствию разобраться.

Полагал я – конечно у меня все по части разведки.

Лицо Андросова приняло грустное выражение.

– Многим это, Сергей Никитич, казалось. В День Победы и я думал – раздавлен фашизм навсегда... А это дело, боюсь, прямое отношение к нашему походу имеет.

Что-то дрогнуло в лице боцмана, глаза заблестели ярче.

Какое же отношение? Зарезался человек в комнате вертихвостки на почве любовных дел.

– Но тут замешан матрос с нашего корабля! – с болью сказал капитан третьего ранга. – Подозрительна мне вся эта история с тем, как она Жуковым играла. Сами знаете, город этот не так давно мы у фашистов отбили, всякий здесь народ есть. Вам не кажется странным, что произошла эта гадость как раз накануне нашего ухода?.. Одним словом, пойдите посмотрите обстановку.

– Есть, идти посмотреть обстановку, – покорно откликнулся боцман, вставая.

Он взял с колен принесенную с собой книгу.

Хотел вот в нашей библиотеке книжечку поменять. Разрешите пока у вас оставить – библиотека закрыта.

– Оставьте...

С сожалением, бережно Агеев поставил книгу на полку, взял с вешалки фуражку, одернул китель.

– Эх, товарищ капитан третьего ранга, не люблю я всего этого беспорядка! – внезапно сказал он с большим чувством. – Разрешите идти?

– Идите, Сергей Никитич.

Четко повернувшись, Агеев шагнул из каюты.

На мгновение приостановившись в коридоре, он вынул из кармана свою любимую наборную трубку, тщательно выколотил из чашечки табак, со вздохом сунул трубку в карман...

Андросов прошелся по каюте. Тяжелое, болезненное чувство не оставляло его. Уголовщина, а может быть, и хуже... Во что-то скверное пытались вовлечь этого матроса... Как будто он искренен, как будто сказал все, что знал... Но почему это произошло именно с ним, с участником экспедиции, накануне ухода кораблей в море? Случайность?

Мирное время... Культурная смычка с людьми портов, которые предстоит посетить... Возможно, тут будет не только это... Возможны вылазки темных сил старого мира, фашизма, не уничтоженного до конца...

Андросов сел за стол, стал просматривать свои записи, материалы для политзанятий.

Трудно было сосредоточиться. Он глядел на фотокарточки под толстым настольным стеклом. Поместил их сюда, когда устраивался в каюте... Лицо жены – уже немолодое, но по-прежнему такое любимое, лицо с чуть впалыми щеками, со слишком большими беспокойными, скорбными глазами. Она старалась быть веселой на этом снимке, предназначенном для него, старалась улыбаться перед аппаратом, но он знает это движение напряженных, слишком плотно сведенных бровей – выражение человека, силящегося не запла-

кать...

Когда она фотографировалась, еще слишком свежа была память о дочке. А вот и дочка на снимке рядом – их любимица, единственный ребенок. Здесь девочка снята толстенькой, улыбающейся, но перед смертью была совсем другой – с пальчиками тонкими как спички, с личиком, на котором жили одни глаза... Аня делала все, чтобы спасти ее, отдавала ей свой донорский паек. Но девочка хирела с каждым днем, скончалась во второй год войны в Ленинграде.

Война, война... Он подошел к иллюминатору, вдыхал влажный, не приносящий прохлады воздух. Смотрел на разноцветные огни порта, на освещенные окна лежащего поодаль городка... Большие скопления света окаймлены полосками тьмы. Там, где тьма, – развалины еще не восстановленных зданий, еще не залеченные раны войны. Еще не работают многие предприятия в городе, ожидая тока от новой станции Электрогорска – города, заложенного на побережье...

Андросов вышел из каюты, внутренним трапом поднялся в штурманскую рубку.

В рубке был один Курнаков. Начальник штаба экспедиции, сутулясь над прокладочным столом, читал толстый том лоции. Андросов присел на диван. Курнаков мельком взглянул на него, продолжал читать.

Трудишься, Семен Ильич? – Андросов говорил очень тепло: еще с военных дней, когда служил со штурманом на од-

ном корабле, установились у них сердечные отношения.

В город пора... – сказал Курнаков, не отрываясь от книги. – Сейчас кончу – и на бережок...

К штурману уже успела приехать в базу семья – как раз сегодня хотел уйти в город пораньше, провести с женой и с сыном последний, может быть, перед началом плавания вечер.

– Задержался вот, как всегда... – Курнаков отодвинул книгу, распрямился. – Тому выписки, этому справки... А переход дальний, и на море рельсов нет.

А я тебе партийное поручение наметил, – чуть запнувшись, сказал Андросов.

– Какое поручение? – Курнаков сдвинул негодующе брови. – Ну, знаешь, при моей нагрузке... – Он нервно захлопнул лоцию, но аккуратно, с привычной точностью вдвинул ее на полку среди других книг. – Мог бы меня освободить, Ефим!

– Нет, друг, не освобожу... – Андросов встал, вскинул на штурмана добрые, словно извиняющиеся глаза. – О бдительности доклад нужно сделать. Ты офицер думающий, развитой, тебе долго готовиться не придется.

Он снова запнулся. Решительно продолжал:

– А в порядке самокритики можешь привести один пример.

– Что, за пример? – взглянул в упор Курнаков. Андросов шевельнул на столе несколько сколотых между собой напи-

санных на машинке страниц папиросной бумаги.

– С час назад, – отрывисто сказал Андросов, – я, зайдя сюда, увидел на столе этот документ – и никого не было в рубке.

– Ну и что же? – Штурман поднял листки, бросит обратно на стол. На бумаге лиловели длинные столбики цифр: указания широт и долгот, часов и минут – таблицы курсов будущего перехода.

Я работал с ними, вышел на минутку. В рубке оставался электрик.

Но когда я проходил рубкой, электрика тоже не было здесь! – Андросов говорил, не глядя на штурмана. Человек по натуре деликатный и мягкий, он каждый раз мучительно переживал необходимость говорить людям неприятную правду. – Нельзя было оставлять этот секретный документ незапертым, товарищ капитан второго ранга!

Слегка насмешливым взглядом Курнаков смерил его напуганную фигуру.

Учту ваше замечание, товарищ заместитель командира по политчасти. – Переменил тон, хотел закончить инцидент шуткой. – А поручение, может быть, отменишь теперь, поскольку, как понимаю, придумал ты его мне в наказание, но я вину свою чистосердечно признал?

– Нет, не отменю, Семен! – твердо сказал Андросов.

Обычная сдержанность изменила Курнакову. Он резко повернулся.

Мне кажется, в дни мира, когда мы раздавили фашизм и идем в совсем не секретный поход, мимо берегов дружественных стран, можно было бы и не выдумывать мнимых страхов!

Вот потому, что не у одного тебя здесь такие настроения, – а я ждал подобного ответа, – парторганизация и поручает тебе сделать этот доклад, – покраснев до самого затылка, непреклонно сказал Андросов.

Глава седьмая

Второй нарушитель границы

– Есть не один способ прятать секретные материалы, – оказал майор Людов. – Мы находили их в искусственных полых зубах нарушителей границы, в каблуках, под повязкой на раненой руке или даже в самой ране. Некоторые прячут собранные шпионские сведения среди волос, в воротничках, в галстуках, в зубных щетках, в креме для бритья, среди бритвенных лезвий, в карандашах и в шнурках ботинок... И не кажется ли вам, лейтенант, несколько упрощенным, я бы даже сказал наивным, что этот чертеж открыто нанесен на обломок расчески?

Лейтенант Савельев молчал. Нет, ему это совсем не показалось наивным. Когда, изучая взятые у нарушителя границы предметы: два пистолета с глушителями, обоймы, полные боевых патронов, пачки советских денег, фальшивый паспорт, портсигар с двойным дном, выложенным золотыми монетами царской чеканки, – он дошел до обломка расчески, его внимание привлекли несколько еле видных царапин и точек. Расческа была сфотографирована, фотоснимок увеличен – и лейтенант Савельев торжествующе положил на письменный стол Людова грубо выполненный, но очень отчетливый чертеж.

План гавани? – едва взглянув на чертеж, сказал майор Людов. – Что отмечено крестом?

Место стоянки плавучего дока.

– Если не ошибаюсь, уже заканчивается подготовка к его буксировке через два океана?

– Так точно, – сказал лейтенант Савельев. Людов вынул из ящика стола, протянул лейтенанту сложенную иностранную газету.

– Господа капиталисты подозрительно много внимания уделяют нашему доку. Читайте.

К газетной заметке был приложен русский перевод. Лейтенант Савельев прочел:

– Доведут ли русские док?

В одном из советских портов заканчивается подготовка сложного океанского перехода. Огромный плавучий док оригинальной конструкции должен быть переброшен из Балтийского моря в Ледовитый океан. Удастся ли русским эта труднейшая буксировка?...»

– Подозрительно много внимания, – повторил майор Людов.

Нарушитель, у которого отобрали расческу, замкнулся в полном молчании, с самого момента задержания не произнес ни слова. С того момента как проходивший в зарослях лесник услышал подозрительный шум, увидел закапывающего парашют субъекта и после отчаянной борьбы задержал его, пока не подоспели пограничники, – задержанный притво-

рился немым. А недавно позвонили по телефону с дальней береговой заставы, сообщили о найденных следах второго нарушителя границы, который высадился ночью на морском берегу и ушел в неизвестном направлении...

Валентин Георгиевич Людов спрятал газету, в стол. Задумчиво прошелся по кабинету, остановился у высокого, светлого окна.

С высоты третьего этажа виднелась дорога в порт. Дорога исчезала среди двух кирпичных недостроенных зданий.

Мимо растущих по ее обочинам кленов шли матросы, офицеры, женщины с продуктовыми сумками в руках, рабочие со строительных площадок.

Кроны широколиственных деревьев слегка покачивались на ветру.

Ветер закрутил, понес по асфальту охапку зеленобурых опавших листьев.

«Ветер с моря...» – привычно подумал майор Людов, глядя в сторону порта.

Две высадки разными путями, но в один и тот же район, – раздумывал вслух Людов. – Этот диверсант, задержанный нами, приземлился недалеко от погранзаставы, отнюдь не в дремучем лесу. Обнаруженный вами чертеж ясно говорит о задании, полученном им, но он счел нужным замкнуться в молчании... Конечно, молчание – ограда мудрости, но в чем мудрость такого молчания?

Не хочет раскрыть сути полученного задания! – отклик-

нулся лейтенант Савельев.

Или хочет скрыть, что не ориентирован в этом задании?

Майор, помолчав, продолжал:

– Сложнее дело со вторым нарушителем границы. Он высажен необычным путем, выплыл из моря в безлюдном, пустынном месте. У пославших его были все основания полагать, что он незамеченным пересечет в ночное время границу... Помните, кажется, Лермонтов писал в одном из стихотворений: «Дымятся тучи над темной бездною морской»? Глубокая ночь – и нарушитель уже на берегу.

Лейтенант внимательно слушал. Как все, кому приходилось работать с Людовым, он знал пристрастие майора к литературным цитатам и философическим размышлениям. Знал он и то, что эти раздумья вслух помогают майору сосредоточиться, логически объединить отдельные умозаключения и факты.

Никто не видел, как вышел из моря второй нарушитель границы. Но майор госбезопасности Людов, получив донесение с заставы, услышав, что пограничники нашли под камнями легководолазный костюм человека амфибии, очень ясно представил себе картину высадки диверсанта на берег.

Была глубокая ночь. Выглядывала и вновь исчезала в черных летящих тучах луна. Среди камней белела пена волн, омывающих камни. Побережье в этом месте всегда безлюдно, лишь издали вспыхивает и гаснет, вспыхивает и гаснет красный проблесковый маячный огонь.

И вот какое-то округлое тело мелькнуло в воде, пропало среди волн, появилось снова. Из воды вышло существо почти фантастических очертаний. Горбатое, круглоголовое, оно издали могло показаться совсем голым.

Водонепроницаемый вещевой мешок и кислородный баллон, соединенный с легким водолазным шлемом, образовали горб за спиной вышедшего из моря. Руки и ноги обтянутого резиной тела заканчивались перепончатыми ластами, помогавшими быстрее плыть под водой.

Судя по состоянию найденного под камнями костюма, разрушителя сбило с ног прибоем, протащило по илистым камням, но он, по-видимому, не расшибся, быстро двинулся вверх по скалам...

Его след обнаружила служебно-розыскная собака. В районе Восточных скал, там, где нагромождения диких камней поднимаются от самой воды, собака тянула вверх и вверх, пока не вывела пограничников к рельсам железной дороги. Здесь ищейка беспомощно заметалась по насыпи, возле шпал...

Допрошен весь персонал поездов, проходивших у Восточных скал этой ночью, – докладывал Людову лейтенант Савельев. – Вы знаете – рельсы тянутся там сравнительно близко от берегового обрыва... Проводнику одного из вагонов показалось, что именно на этом участке пути кто-то вошел из тамбура в коридор.

– Показалось? – приподнял брови Людов.

Так точно. Был третий час ночи, проводник, по-видимому, задремал. Услышав, что дверь из тамбура отворилась, он тотчас, как уверяет, прошел по вагону, но никого из посторонних не обнаружил.

В том месте побережья поезд, кажется, замедляет ход?

– Слегка притормаживает на стрелке. – Значит, ушел! – сказал Людов. Расстроенный, он сгорбился над столом.

– Лейтенант, усилить наблюдение в порту. Свяжитесь с отделениями милиции и с военной комендатурой. Обо всех важных происшествиях пускай немедленно докладывают нам...

В обеденное время майор пересек городские улицы, прошел тенистыми аллеями матросского парка, вышел на пологий морской берег. Длинные раскатыстые волны набегали на серебристо-желтый плотный песок, пахло водорослями, солнцем и солью, вода была тепловатой, почти не соленой, плавно покачивала на мерно вздымавшейся, прозрачной синеве.

Вдали берег громоздился россыпью камней, там, далеко за поворотом, поднимались Восточные скалы. Издали свистели паровозы, был слышен нарастающий и опадающий грохот дальних и пригородных поездов.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.